

18+

Адель
Хрущёвка

Адель Хрущёвка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48503416

SelfPub; 2019

Аннотация

С молодых ногтей Витасик был призван судьбою оберегать родную хрущёвку от невзгод и прочих бед. Он самый что ни на есть хранитель домашнего очага и в его прямые обязанности входит помощь хозяевам квартир, которые к слову вечно не пойми куда спешат и подчас забывают о самом важном... Времени. И будь то личные трагедии, или же неудачи на личном фронте, не велика разница. Ибо Витасик утешит, кого угодно и разделит с ним громогласную победу, или же хлебнёт чашу горя. И вокруг пальца Витасик не обвести, он держит уши остро, да чтоб глаз не дремал!

Глава 1

Дом, милый дом!

Он мирно сидел на тяжёлой поклаже, в спальне и вдумчивым взором изучал советские обои. Всюду косматый, слегка пучеглазый и отнюдь не внушительного роста, малыш Витасий, вот уже, лет, как 60, а то и все 70, обитал в скромной квартире на переулке им. Пихта. Может показаться странным, но малыш Витасий, знал дом, как свои пять пальцев. За прожитые им годы, он успел изучить родную хрущёвку вдоль и поперёк, с ног до головы, от а до я. И не было, наверное, в доме такой щели, о которой Витасий бы ничего не знал. Всякая мышь, будь она серая, точно свинец или чёрная, словно копоть печных труб, знала Витасика в лицо, как сурового и несменного хранителя домашнего очага.

Зачатием Витасия, принято считать тот день, когда в знойную жару, каменщик Хлипко, человек весьма суровых нравов, на месте пустыря, заложил первую кирпичную кладку и с помощью строительного мастерка, трепетно утрамбовал густой раствор. Быть может именно суровый нрав, каменщика Хлипко, наложил глубокий след на поведении Витасика. Ибо не каждый в силах объяснить, с чего вдруг он, чумазый непоседа, с возрастом сделался дотошным до мелочей пронирой.

Жил малыш Витасий на пятом этаже, в угловой квартире номер сорок пять, где нынче прописана семья известного пианиста, кудесника белых и чёрных клавиш. Не знаю, кто

тому виной, но именно эта квартира, стала уютным обиталищем Витасия на долгие годы. И если начистоту, то выбирать ему особо не приходилось. Только здесь он мог спать крепким сном и не тревожить свой организм постоянной бессонницей. Аура тут хорошая, думал Витасий, иначе не объяснишь.

Нынче же Витасик, томно восседал на кожаном чемодане и краем мохнатого ушка, подслушивал, как прежние хозяева квартиры, суетливо фасуют горы вещей по сумкам. Чего им на ровном месте не сиделось, думал Витасий, ведь хорошая квартира и окна спален выходят прямо на дивный лес городского парка, тишь да гладь, живи, не хочу. Взять, например, профессора Круглова, у него так вовсе с окнами беда, все до одного смотрят прямо на дорогу. С утра до вечера профессор вынужден созерцать бесконечное движение шумных автомобилей и вдыхать пары выхлопных труб, а у Круглова вместе с тем астма.

Дверные петли взвыли протяжным скрипом и малыш Витасий, в мгновение окна юркнул под кровать.

–Витасий...– шептал Аркадий.– Ау... Витасий ты где?

–Да здесь я, здесь.– Витасик выполз из-под кровати и неспешно вскарабкался на кожаный чемодан.

–Ну что пришло время прощаться?– в мрачном свете заявил Аркадий.

–Не вешай нос, гардемарины!– взбодрил Витасий.– Сколько мы с тобой знакомы? Три года? Четыре?

–Пять лет? А толку!– говорил Аркадий. Я тебя больше не увижу, а жаль. Ты мне, как брат. Даже больше брата.

–Не мели пургу, и без того холодно. Витасий в меру своих сил, приобнял Аркашу.– Вы же братья, как-никак, родная кровь. Пусть он тот ещё забияка, но Вы двое одни на всём белом свете и никому, кроме матери и отца Вы даром не сдались. Так что, цени его и уважай.

–Ты прям, как моя мать.– Аркадий хватился пародировать родную маменьку.– Вот не станет меня, кто тогда о Вас заботиться будет. Правильно, никто. Никому Вы, кроме нас с отцом не нужны. И жены Ваши будущие, не должны ссорить Вас с братом, иначе не жёны они Вам.– на этой ноте, мать обычно прекращала читать сыновья нотации и приступала к уборке, либо готовке, или чем там занимаются домохозяйки. Аркадия до боли смущало слова невеста в устах родной маменьки, потому он тотчас же обливался румянами и тяжело вздыхал.

–Лепо... Лепо... Тебе с такими талантами в театральный надо поступать. Срочно!– аплодировал Витасик.

–А что такое театральный?

–А пёс его знает. От слова теа, наверное... Чай, в переводе с англиша. Ну, сам посуди, теа, корень, тральн – это суффикс, а ый, стало быть окончание.

–Аркаша!– громкие возгласы отца вихрем доносились из соседней комнаты.– Аркадий! Ты готов! Такси нас ждать не будет.

–Сейчас пап. Минуточку.

–Ну что ж, прощай!– приуныл Витасий.

–А на дорожку присесть!?!– добавил Аркадий.

–Если на дорожку, то пускай. Это дело нужное... Кстати, хорошо, что напомнил, а то я запамятовал.

Плечом к плечу, они дружно плюхнулись на стильную кровать и в одночасье умолкли, потеряв дар речи. Горестно было Витасику, терять друзей, а кому не горестно. Жизнь она такая, сегодня держи брат клубнику, а завтра кушай сельдерей. Терпеть не мог Витасий сельдерей, довелось ему однажды, отведать у соседа кусочек зелёной байды, так его бедолагу, чуть наизнанку не вывернуло.

–Аркаша, родной! Чем ты там занимаешься, я никак не пойму. Нас машина, ждёт не дождётся, в конце-то концов.– ходким шагом отец ступил в объятую полуденным светом комнату и негодуяще взглянул на сына.

В страхе быть пойманным, Аркаша пугливо осмотрел кожаный чемодан, где минутой ранее восседал малыш Витасик. Пусто... И ни одной живой души на чемодане не было, разве что сиротливая мошка. Стало понятно, что от Витасика и след простыл! Уфф... Пронесло. Сонмы мурашек выступили на спине и напуганный до смерти Аркадий облегчённо выдохнул.

–Ну, сколько можно, Аркадий. Это ни разу не смешно. Мать внизу стоит, вся испереживалась, ругается.– отец хорошенько отчитал родного сына за излишнюю копотливость,

подобрал с кровати кожаный чемодан и шустрой поступью вышел вон.

Свесив нос, Аркадий в беспросветном унынии поковылял за грозным отцом, пианистом со стажем и ушёл прочь. Словно сахар растворился в чашке горячего чая, так и Аркадий, во веки вечные, растворился из жизни Витасия.

Второпях, отец звучно хлопнул дверью, выронил чемодан, тотчас же исправился и, взяв сына за руку, он открыл новую главу в книге под названием жизнь. И до того отец жаждал покинуть, старую, но родную квартиру, что запомнил о самом главном – запереть за собой входную дверь. Но да ладно, район здесь приличный, а домушников отродясь не водилось. Если кому и взбредёт в голову проведать чужую квартиру, то исключительно соседям.

–Эххх... Вы... Людьями себя называют. Ни грамма уважения, даже дверь за собой не закрыли. Куда катится этот мир, честно слово не пойму. Сегодня двери не заперут, а дальше что? Водку упразднят!?!– бурчал Витасик. Он встал на носочки и запер входную дверь.

Витасий помчался в спальню, шустро взобрался на кровать и ногами встал на белый подоконник. Он пробежался глазками по двору и остановил свой взгляд на жёлтой машине.

–Ну что ж, прощай!– шепнул Витасий и напоследок огля-

дел Аркашу.

Отец едва ли не пинками, загонял неподатливых сыновей в машину. Но дети, не особо горели желанием покидать то родное место, где отпетые хулиганы начистили им морду, и первая красавица на селе, отшила их наглейшим образом. Усатый таксист, с кепочкой набекрень, небрежно укладывал в багажник чемоданы и между тем сладко потягивал вонючие папиросы.

Фу, подумал Витасий, от сигарет его воротило. Он терпеть не мог запах курева в квартире, ибо считал, что сигарета, худший враг человека. Витасий старался прятать зловерное курево от глупых хозяев дома и по мере возможности, втихомолку тырил папиросы, да прятал пачки. И нет, чтобы поблагодарить Витасика за своевременную помощь, они начинают снова по квартире в поисках отравы. Глупцы! Но что с них взять, люди. Помнится мне, однажды Витасику довелось стать свидетелем страшного пожара на втором этаже. Сгорела целая квартира и человек! А виной тому были сигареты.

Погорельцы.

Пожарные, люди, что называется, огненной профессии, толпились на лестничной клетке и все, как один переводили учащённое дыхание. Они сновали, тот тут, то там и между тем перекидывались фразами касательно недавнего пожа-

ра. Ничего, что могло бы их удивить... Вполне себе рядовой случай, алкаш уснул с сигаретой во рту и спалил к чертям всю квартиру. Густая пена стекала вниз по лестничному пролёту и на бетонных ступенях кругом сырость, да мокрота. Стены почернели от сажи, и на лестничной клетке не оставалось живого, куда бы, не добралась вороная чернота. Дверь выгорела насквозь, впрочем, как и вся квартира. Живого места не осталось, один лишь Мурзик спасся, да и тот, гад плешивый, взял лапы в руки и умчал восвояси. Запах гари в буквальном смысле слова осадил повсюду, и стоило набрать полную грудь воздуха, как начиналось лёгкое удушье. Но пожарные, люди не пальцем деланные, им всё нипочём. Они, самые что ни на есть, укротители огня за годы службы привыкли к едкому дому настолько, что порой находили в этом некую романтику столичных будней. Мужики, все как на подбор, стояли не шелохнувшись....

—Пётр! А Пётр! Как думаешь, найдут виновного. Или, как обычно, спихнут всё на крайнего?

—Веришь, нет? Но на лицо несчастный случай... Алконавт, вероятно заснул с сигаретой вор рту, отсюда и возгорание. Ну а дальше сам знаешь... Дело времени.

Сами Вы пьянчуги господа пожарные. Не отрицаю, Жора хоть и любит пропустить, что называется стопаря, но мужик он был крайне порядочным, оправдывал товарища Витасик. И негоже о покойном гадости говорить... Притаившись в соседней комнате, он увлечённо следил за бурной беседой от-

важных незнакомцев.

–Рооберт!!! Любимый мой!!! На кого ж ты меня оставил!!!– истошно кричала женщина и волочила за собой пухлые ноги. Быстрая ходьба ей давалась тяжело, она, женщина с широкой костью на каждом шагу заваливалась на бок и обеими руками держалась за деревянные перила. С полувзгляда видно, что человек не привык к схожим нагрузкам. Дешёвые каблуки уверенно бились о мокрый пол и отдавались ритмичным цоканьем. Казалось, что чёрная шпилька вот-вот даст слабину и разразится мгновенным хрустом, испустит последний вздох, а бедная женщина покатится кубарем по твёрдой лестнице.

Поджарый юноша, в попытке предостеречь непутёвую гражданку, не подумав, схватил испуганную бабу за рукав и понятно дело, поплатился собственной головой. Женщина, в быту Оксана, огрела нахала тяжёлой сумкой по хлопковой голове и прогнала хама прочь.

–С дороги!– женщина всю надрывала глотку.

Будучи дамой в теле, Оксана мясистыми плечами растолкала скопище зевак и прорвалась на второй этаж.

Пожарным не раз приходилось сталкиваться нос к носу со стихийными бедствиями и утихомирить буйную вдову, им труда весомого не составит. Живой изгородью, мужчины в форму, преградили путь вдове и не позволили ей толком оплакать покойного любовника.

Витасик знал, что беда, не ломится в дверь без весомой на то причины, ибо не нет дыму без огня. Тут или курево виновник жуткой трагедии, или алкоголь набедокурил под шумок и лишь сорок процентов всех бед, приходится на стервозную жену, детей и бытовые страсти. Цифры лгать не станут.

Опечаленный разлукой, Витасик щеками припал к холодному окну и взвыл белугой. Не привык он друзей терять... Хоть и пережил Витасик на своём веку многих и чашу горя хлебнул сполна, однако терять родственную душу, она так и не научился. И всякий раз, когда близкий по духу человек, намеренно собирался бросить Витасика на произвол судьбе, то сердце кровью обливалось и больно становилось на душе.

Махнув на прощанье ручкой, Аркаша нырнул в автомобиль и хлопнул дверцей обветшалого автомобиля. Усатый таксист, с кепочкой набекрень, просунул ключ зажигания в замочную скважину и двигатель под капотом тотчас взревел. Тихоходом они миновали затхлый двор и скрылись за ближайшим поворотом.

Вот и сказочки конец!

Глава 2

Одинокий, но живой

Октябрь нынче выдался холодным, в отличие от летнего зноя. До того лето выдалось жарким, что Витасику, нет, да приходилось подчас ночевать в тесном морозильнике, лишь бы согнать с себя любимого извечный пот и дать телу время, как следует просохнуть. Со дня, как прежние хозяева оста-

вили родное жильё, квартира окончательно захлама, а чугунные батареи источали один лишь холод мёрзлой стали. Бедолага Витасик был вынужден зябнуть в опустелой квартире и ждать, пока новые хозяева не распакуют свои чемоданы.

Он своими глазами видел, как вслед за хозяевами, квартиру покинул домашний уют и тепло. Холодильник осиротел подчистую, на кухонных полках поселились мыши, извечная пыль осела на скатерти, и впотьмах мрачного шкафа, куда Витасик заглядывать не решался, мирно покоилось рубашка прежнего хозяина. Какого именно хозяина Витасик, честно слово, не знал... Стены этой, далеко не чудной квартиры помнят своих жильцов поимённо, взять, к примеру, гражданина Пейкса. Эстонец по крови, и строитель по профессии, Отто знал своё дело на зубок, но имел страсть посреди рабочей недели раздавить пузырь столичной. И что Вы думаете!? Человек спился. Он был самым, что ни на есть гулякой и не мудрено, что белая горячка нагрязнула в гости вечером со вторника на пятницу. Пейкс тронулся кукушкой и в порыве безумия он проломил рукой стену из гипсокартона. И по сей день кривая щель в стене напоминала Витасику, тот самый день, когда гражданин Пейкс, слетел с катушек. И никому из жильцов дома впоследствии не удалось заделать в стене сквозную пробоину. На его памяти, этот невыразительный шкаф навёл тоску со времён развала Советского союза и годами собирал никчёмную пыль.

С течением времени, мерзкие мыши, острыми зубами

прогрызли истёртый линолеум, потому Витасику пришлось побороть личные страхи и осмотреть забытый хозяевами мрачный шкаф. Дверь взвыла, и все страхи оказались напрасны... Казались большим, чем есть на самом деле. Витасик нашёл, что искал. Отцовская рубашка, в самый раз согдится для борьбы. Витасик с трудом разорвал на части отцовскую рубашку и заткнул мышьиные щели, нет дав, вредителям освоиться в чужой квартире.

Что стряслось!?! С какого перепуга квартира, где некогда жизнь кипела, сталь колела, вдруг пришла в упадок. Витасик знал ответ на вопрос. Дом без хозяев, словно тело без души. А Витасик верил, что всякий дом, будь он одноэтажный, или небоскрёбом, имел душу. Хозяева обогревали квартиру домашним уютom, и насыщали теплом стены родного жилища. Птицы обустроивали гнёзда, медведь берлогу, пчёлы улья, а человек квартиру. И что ни скажи, но ежели хозяева с царём в голове, то быть стало квартира в надёжных руках. Умелый муравей, не даст родному гнезду прийти в упадок, вот и ответственный хозяин, не позволит квартире, зачахнуть и стать жалким подобием достойной квартиры. Ежели хозяин рукастый, то все дыры и щели он залатает, гвозди, где нужно прибьёт, картины повесит, грязь вездесущую без внимания не оставит и сделает всё возможное, лишь бы квартира дышала свежестью и чистотой.

Внутреннее убранство квартиры, есть подлинное отражение хозяина. Какая квартира, таков и хозяин. Холостяцкую

берлогу, Витасий различит с полузвгляда. Ему не раз доводилось пребывать в похожих апартаментах. Взять, к примеру, Яниса Озолиныша... Он уроженец Латвии и который год работает в местной школе, учителем младших классов.

Квартира Яниса Озолиныша, наглядно отображает, как семейное, так и душевное положение человека. Умывальник с утра до ночи забит немытой посудой, носки разбросаны по дому, стульчак на унитаже всегда опущен, а одежда, увы, не глажена. Невооружённым глазом видно, что дому не хватает женской руки. Или Камила Валиева, незамужняя татарочка, вечная соискательница второй половинки, вот уже как пару лет не в силах собрать шкаф-купе и повесить дорогие гардины. Хоть Камила и содержит квартиру в чистоте, однако мужская сила и ум, здесь явно не помешают. Быть может их свести, думал Витасий. Вот получится семейка, интернациональная, в лучших традициях Советского союза – жена татарочка, а муженёк латыш. Скучно мне, отчего не пойму, Витасий всё чаще придавался размышлениям и не знал чем себя занять.

На первых порах, Витасий со скуки навещал квартиру профессора Круглова. Андрес Ильич Круглов, человек знатных кровей, отец известный в музыкальных кругах композитор, а мать... любила Италию, настолько, что назвала сына португальским именем. Она искренне верила, что Андрес имя итальянское, но в большей степени оно принадлежит португальским корням. Но Антонину Давыдовну – именно

так величали мать профессора Круглова – можно понять и простить. За границей она толком не бывала и откуда ей знать особенности итальянских имён. А курорт иностранный Антонина повидала на старость лет, когда сыну стукнуло двадцать пять годков.

Квартира у гражданина Круглова истинно барская. Четырёхкомнатная... Внутренних размеров ванная, и не то кухня, не то столовая, правда, всего на всего одна гостиная комната, но обставлена заграничной мебелью. Ну что тут скажешь, подарок отца на совершеннолетие обязан быть дорогим, иначе нельзя, иначе, кто стакан воды в старости подаст. Женой Андрес Ильич так и не обзавёлся, правда, ходила тут одна девица, метила на фамилию Круглова, но не заладилось у них, мыслями они, видите ли, не сошлись. Он, профессор Круглов, идеалист, двигатель научного прогресса, а она, всего на всего домохозяйка, один в один копия матери Андреса Ильича. Не сказать, что он всеми фибрами своей душонки ненавидел родную мать, просто Круглов терпеть не мог сидячий образ жизни. А именно такой образ жизни вела мать Круглова. Андресу Ильичу, полагал Витасий, позарез нужна стойкая женщина, властная брюнетка, а не уступчивая блондинка. Все блондинки поголовно мягкотелые домохозяйки, а Круглову нужна жена со стальной хваткой. Она должна быть готова схватить непутёвого мужа за кадык, приставить его к стене и выбить из него всю дурь, а то, видите ли, двигатель прогресса тут нашёлся. Детей строгать время

настало, а не по научным центрам шляться.

Но имелась у Круглова штукаенция одна, ну уж очень она Витасику на душу запала, телескопом величается. Любил он к профессору Круглову в гости наведаться... В то время, как Андрес Ильич мял бока, Витасик мог вдоволь телескопом наиграться. Нет... На звёзды он не смотрел. Витасик полагал, что на Земле и без того вещей занимательных пруд пруди. А на луне что? Снег кругом, и ни души. Витасий любил смотреть в телескоп, точь-в-точь подзорная труба, но прямая. Обеими руками он хватался за причудливый аппарат и приступал изучать внутренности двора. Кто на лавочке уснёт, кто сигарету не потушит, но это всё мелочи, ибо полюбил Витасик телескоп за излишнюю дальнзоркость. Ночами напролёт он следил за соседским домом и при помощи телескопа заглядывал в чужие квартиры. Не то чтобы Витасик любил вторгаться в личную жизнь незнакомых ему людей, просто любопытство, раз за разом брало вверх над моралью.

Но с течением времени, Витасику наскучило таращить зенки в подзорную трубу. Скука навевала тоску, и он понимал, причину внезапного уныния. Отсутствие хозяев в квартире, вот корень всех бед Витасика. Без хозяина квартира немногим меньше человека без души, полость для приёма пищи, не более того. Витасик сроднился с квартирой, они стали одним целым. Стены родной квартиры, кормили Витасика силой, давали пищу для долгих размышлений и дер-

жали его на плаву. В квартире он, словно за каменной стеной неприступного замка. И ни одна душа, кроме коммунальщиков, не в силах вытравить Витасику из дому. Кто-кто, а коммунальщики, по зову городской администрации запросто могут дать Витасику отворот поворот. Достаточно пригнать к дому два экскаватора и пару килограмм отменной взрывчатки в тротиловом эквиваленте. И в таком случае плешивый чиновник, камень на камне не оставит.

Изо дня в день квартира чахла на глазах Витасика. Мерзотные мыши рвались на свободу, и пыль вконец осточертела. Надо напасть терпением... Витасик ободрял себя крепкими фразами и продолжал отбивать мышинные нападки. Однако Витасик, к сожалению не машина, он не в силах вечно держать оборону, ибо мыши оказались чересчур настойчивы. Тогда Витасий в страхе потерпеть поражение, из-под полы украл у соседа ведёрка холодной водицы и затопил мышиную нору, откуда на свет рвались серые вредители.

Мало-помалу, но Витасий ослаб, как телом, так и душой. Увидев слой пыли на шкафу, он отчаянно махнул рукой и двинулся поливать всеми забытый фикус. Что-что, а фикус водой орошать, он не забывал. Цветы ласку любят, ежели ты о них забудешь, то всё, пиши, пропало. Витасик знал главное правило, не забывай поливать цветы. Зачастую хозяева считают не нужным окатить бедный цветок желанной водой и оставляют растение на произвол обстоятельствам.

Со дня на день, Витасий должен впасть в глубокую спяч-

ку и разразиться заливистым храпом, чего он делать, ни в коем разе не желал. И лишь новым хозяевам под силу выручит Витасика и уберечь его от страшной участи. Терпеть не мог Витасий, впадать в спячку и на долгие недели становится овощем. Однажды Витасик, будучи в глубокой спячке, продрых целый месяц, пока новые хозяева не заселились в квартиру.

И если вчерашним днём Витасик находил в себе силы бороться с мышьиной угрозой, то нынче он не в состоянии толком смочить сухие листья фикуса. Ноги подкашивались, руки дрожмя дрожали, образы перед глазами плыли, точно картина Винсента Ван Гога «Звёздная ночь», а голод становился неутомим. Извечный вопрос – что делать? Преследовал Витасика на каждом шагу. Последние силы он бросал на борьбу со спячкой, но подчас казалось, что она неизбежна. Сон наступал со всех сторон, Витасика бросало то в жар то в холод, абсолютная апатия проснулась в нём к собственной квартире. Фикус, засох.

Аааа... Когда же всё это закончится.– жалостливо стонал Витасий. Он волочил за собой многопудовые ноги и двигался в сторону душных спален. Витасий, точно скалолаз карабкался на стылую постель, ложился на бок и созерцал убогие стены. Советские обои ему ничуть не наскучили, а настенные узоры наглядно отражали всю суть человеческого бытия – бессмысленные завитушки, суть которых блеснуть чешуёй, не более того.

Воздух в квартире, становился прелым, однако комнатная температура не превышала отметки в десять градусов. И ему понятно, что опрела не квартира, а внутренности Витасика. Страх впасть в глубокую спячку, душил Витасика тугими мыслями, сковал бедолагу в чугунные кандалы и засадили за решётку страданий. Что делать? Одна фраза, а сколько вопросов, но до чего же мало ответов. Уму разуму непостижимо. Ждать... Думал Витасик, мне оставалось только ждать, когда очередные хозяева залезут в долговую яму и приобретут на кровные рубли квартиру в избитой временем хрущёвке, на окраине города. Но такова сущность человека, влезать в яму поболее, чтобы выкарабкаться из ямы помельче. Людская натура... Не поддаётся никаким объяснениям.

Всесильная хандра, подкосила здоровье Витасика. Разящим ударом она сперва поразила ноги, следом взялась за бёдра, охватила грудную клетку и добралась до сердца. Но трезвый ум Витасика, неуступчиво противостоял голодной хандре. Он понимал, что стоит дать слабину и ты потеряешь контроль над телом. Держись касатик! Позади Москва! Шутливо ободрял себя Витасик и старался не упасть в голодный обморок.

Некогда зелёный фикус, символ одиночества, местами пожух от нехватки влаги. Горделивое растение покорно склонило блеклые листья к сухой земле и словно бы молило о капле холодной водицы. Почва под ногами вся иссохла и корням фикус неоткуда была пить воду. И стоило взять в ру-

ки горсть земли, как тонкий слой чёрной пыли рассыпался на белом подоконнике. Одним словом пустыня, как Гобби или Сахара.

Каждый день становился зеркальным отражением предыдущего. Словно день сурка, и лишь слабость в ногах перетекала в слабость мыслей, а в остальном Витасий существовал. Ожидание, изводила страдальца мыслью о скором поражении.

И все дела, вроде бы складывались куда угодно, но не в пользу Витасия. Однако рука помощи, хоть и заставила помотиться в ожидании, но была в самый раз... кстати.

Глава 3

Заселяемся сынок! Открывай шампанское!

–Заселяемся сынок! Открывай шампанской!– не слова, а музыка.

Не уж то я дожил, думал Витасий и едва ли не пускался в пляс.

И года не прошло, и пылью дом обрасти, не успел, как очередные хозяева угловой квартиры, здоровья им крепкого, дали Витасику повод оттянуться в полный рост и не парить шкуру.

Заселились хозяева ранним утром, в середине ноября, предвестника скорой зимы. С первыми петухами, возмужалые грузчики, истинное олицетворение животной страсти,

втащили в угловую квартиру торшер и кухонную утварь.

—Оххх... Какие же Вы мальчики поджарые.— кокетничала дама в летах. Чего дурного ни кажи, но бальзаковский возраст подстать новоиспечённой хозяйки квартиры.

—Мама!— негодовал юный очкарик, очевидно сын госпожи.

Толстоватая роговица округлых очков и взлохмаченные волосы, выдавали в долговязом пареньке излишнюю страсть к всеобъемлющим знаниям. И на момент, пока плечистые грузчики на собственном горбу тащили увесистую мебель, молодой человек, видимо зачуханный ботаник, присел на холодный бордюр и трепетно прижал к груди любимые книги.

—Что мама! Что мама! Я девятнадцать лет, как твоя мама! Дай женщине наладить личную жизнь!— роптала мать.

—Мама мне семнадцать!

—Весь в отца! Точная копия.

—Ну, мама! Перестань, соседи услышат. Подумают раньше времени, что семейка полоумных заселяется и не дадут нам в доме житья.

—Вот те на, родной сын меня стесняется... А я между прочим! ОДИНОКАЯ женщина, в активном поиске!!!— мать намеренно кричала во весь голос, на запредельно громких тонах. Словно кричала душа и зывала закоренелых холостяков к серьезным отношениям, вплоть до женитьбы. Весь двор, поголовно, от мала до велика, подхватил ушами истошные вопли одинокой матери и вышли посмотреть, что за сыр

бор там устроили, в разгар рабочего дня.

–Ты всё усложняешь, впрочем, ничего нового!

Коренастый грузчик, южных кровей, с разбегу вскарабкался на фургон грузовика и поднял на руки фарфоровую вазу. Голубой сосуд, хоть и куплен на местном рынке за бесценок, однако мать относилась к вазе с трепетом, пылинки сдувала. Во-первых, она урвала вазу буквально за гроши, ну, а, во-вторых, продал декоративную безделушку, один весьма приятной наружности армянин. Битый час, они, ворковали у прилавка и ненавистно ругали внезапный скачок цен на гречку.

Южанин лихо сошёл на асфальт, потерял равновесие, подался вперёд и выронил драгоценную вазу. Некогда цельный фарфор разбился вдребезги, осколки разлетелись по щербатому асфальту, и казалось, что весь мир замер в ожидании ответа. Но ответ не заставил себя долго ждать.

–Ах ты! Паразит! Да я тебя в баранку сейчас согну. Паскуда! Ты до гроба мне ущерб будешь возмещать. Да я тебя! Да я на Вас всех в суд подам.– ругалась одинокая мать.

Южанин, в страхе быть убитым, взял руки в ноги и смылся на детскую площадку, встав подле песочницы.

–Слушайте, жэнщина! Успокойтэсь! Это же всего на всего ваза!– из последних сил южанин пытался уговорить озлобленную мать, но тщетно. Дама настроилась боевито, она тотчас ринулась на подлеца и взялась гонять неуклюжего южанина по двору. До тех пор, пока бедолага не скрылся за

ближайшим поворотом. К концу погони, весь двор стоял на ушах, и юней, что минутой ранее морозил почки на холодном бордюре, закрыл красное от стыда лицо парой книг. Он стыдился родной матери... Сильно.

—Ну что сына, вот мы и заселились в новую квартиру. Чуть меньшей прежней. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.— мать разместилась на старых чемоданах, в то время, как родной сын, опора и надежда на светлое завтра, созерцал багряные огни вечернего заката.

мать разместилась на старых чемоданах, в то время, как родной сын, опора и надежда на светло завтра, точно созерцал багряные огни вечернего заката.

—Да... Не в обиде.— с умным видом ответил очкарик. В преддверье ночи, багряное солнце, скрыло личико за крышами соседних домов, и крошечная тьма опустилась на улицы города. Нечисть вылезла на поверхность, и лишь фонарные столбы оберегали жителей от внезапных встреч.

—Мне горестно видеть, как ты обращаешься с родной матерью. Не для того я тебя растила, чтобы ты меня стеснялся.

—На правду не обижаются.

Она вскочила на ноги, для пущей драматичности обронила на ковёр горькую слезу и стремглав покинула комнату. Кончиком пальца он поправил роговицу круглых очков и взором обвёл окрестности затхлого двора. Ровным счётом новая квартира, мало чем отличалась от прежней. Все те же

лица, только в профиль...

Ровным счётом, все те же лица, только в профиль. Местная пьянь теснилась на лавках, потягивала папиросы и надеялась, что доблестный наряд, не упакует добрую душу в отрезвитель и оставит ржавые наручники при себе. Уличная шпана, как обычно промышляла ночными грабежами и находилась в поисках очередной добычи. Они прекрасно знали, что с алкашей брать не чего, их карманы пусты, а кошельков отродясь не видали.

Грубое слово, брошенное в адрес родной матери, очкарика не озаботило. Будь с ним отец, то он бы наверняка, прописал негодяю добротного леща, но отца поблизости не находилось. Нынче парень пребывал в полном одиночестве.

В то время, как бледноликая луна, взошла над городом, знойное солнце, прожигало жизнь на песчаных берегах необозримого моря. Сон не находил очкарика на протяжении часа. Мирно растянувшись на кровати, он по пояс окутался одеялом, запрокинул руки за голову и не сводил глаз с потолка. Быть может, наш очкарик и не был горазд таскать тяжести на собственном горбу, или в одиночку толкать старые Жигули, однако имя он носил великое, Август.

На момент, когда Августу стукнуло пятнадцать годков, всеми почитаемый Герман Цепелин, отец семейства, туго затянул на шее тонкую петлю и покончил жизнь самоубий-

ством. Он, как сейчас, помнил тот злополучный вечер и жалкую гибель отца. Наступил октябрь месяц... Пора, когда неисправимые романтики, любители хорошей и не очень поэзии, до поры до времени оставляли прелевые квартиры, и дружно наводняли плащами, зонтами и каблуками улицы города. Ранняя осень переливалась в золотых тонах и сгущала краски на голубом небосводе. От зари до зари косо́й дождь ритмично барабанил по окнам дома, без перерыва на обед и смывал с тротуаров уличную грязь.

Август цепко держал в руке чёрный зонт и ходко ступал вдоль набережной. Истёртые временем туфли, хлюпали по лужам, однако мокрая до основания обувь очкарика не тревожила. Август горел желанием поскорее добраться до дома и принять горячую ванну, да на пару часов забыть обо всём насущном.

Навстречу ему дул резкий порыв ледяного ветра, чёрный зонт непослушно качался из стороны в сторону, грозился улететь восвояси. Ох уж этот ветер, злился Август!!! Никакого покоя... И закатайте губу обратно... Я с зонтом так просто не расстанусь! Накось выкуси! Не на того нарвались! Август, стремглав пересек проезжую часть в неподобающем месте и едва ли не угодил под колёса автомобиля. Водитель, преисполненный гневом, зубами вцепился за руль, вытаращил зенки и обругал очкарика крепким словом. Но Август и ухом не повёл, и глазом не моргнул, он был выше всех оскорблений, и не пристало ему, интеллигенту, вступать в перепалку

с грубияном. Заметно ускорив шаг, Август свернул за угол и попал на родную улицу. Именно здесь он прожил всю свою сознательную жизнь.

Говорят, что осень, это пора измученных сердец, нераздельной любви и отчаянных самоубийц на краю моста, или крыше дома. Но когда Август вошёл в мрачный подъезд, он думал на порядок иначе и ехидно насмеялся над завиральными идеями полнейших идиотов. Человек накладывает на себя руки, ввиду личной трагедии! И точка... Времена года здесь не причём. Что за вздор, негодовал Август и перелистывал в руках журнал заматерелой домохозяйки. ДА быть такого не может! Осень лишь косвенно может повлиять на гормоны человека, но никак не вынудить его свести счёты жизнью. Надо быть моей матерью, чтобы принять за чистую монету бредни сумасшедшего.

Он лёгким движением руки спустил хитроумный механизм и собрал чёрный зонт воедино. Август мерно шагал на второй этаж, следом на третий и четвёртый. Ледяная вода стекала ручьём, сухого места не осталось, он взмок до последней нитки, вплоть до трусов. Вот он оказался на пятом, родном этаже. Входная дверь на удивление, оказалась не запертой. Странно, подумал Август и с головой нырнул в обогретую теплом квартиру.

—Есть живые в доме.— искромётно пошутил Август.

Но в ответ лишь тишина навевала тоску и уныние.

—Чудеса в решете.— тяжело вздохнул Август и скинул с

плеч клетчатое пальто.

Он сбросил с себя мокрые ботинки и прошёл вглубь прихожей. Первым делом, Август, понятно дело, заглянул на кухню, но и здесь, тишь, да гладь. Он встал напротив газовой плиты, раздобыл на полке коробок спичек «Атмосфера», чиркнул краешком о тёрку и породил на свет пламя. Август поставил чайник на плиту и ушёл прочь, в гостиную. До той поры, пока чайник не разразится свистом, у него в запасе имеется целых пять минут, чтобы выяснить, с чего вдруг входная дверь не заперта, а дома, ни души. И отец, мужчина в летах, не сегодня, так завтра пенсионер, в это время дня, обычно дрыхнет на диване с пультом от телевизора в левой руке, правая занята журналом «Рыбный промысел». Но гостиная комната, на удивление пребывала в полном одиночестве. Пульт лежал на своём месте, нетронутым, и без умолку говорящий ящик молчал, словно рыба в воде.

Август не стал посещать свою комнату, поскольку знал, что кроме него, туда по доброй воле, мало кто решается войти. И раз так, подумал Август, то пойду-ка и наведаюсь в кабинет отца. И стоит добавить, что парень не прогадал. Но не того он ожидал увидеть за рабочим столом, среди кипы недописанных бумаг и вони кубинских сигар. Август, встретил отца в кабинете, но есть одна небольшая загвоздка – он повесился. Длинные ноги в прошлом футболиста, а ныне директора местного театра, безмятежно замерли в воздухе. Отец вытянулся во весь рост и занемог что ли... Два мет-

ра, некогда живой души, покоилось на хлюпкой петле. Казалось, что дно пробито и хуже быть, но Август ошибался... Сильно. Отец не нашёл в доме места удобнее рабочего кабинета и предпочёл повеситься на хрустальной люстре. Но потолок, да и сами опоры не в силах были сдюжить подобного рода груз. Первым делом, на два берега разошёлся потолок, и продольная щель, ударилась о стену. Шурупы, все до одного сорвались с потолка, и бедная люстра повисла на кабеле... Держалась на честном слове. И вслед за тем, понятно дело, кабель рвануло на две части, и мёртвое тело отца грохнулось на пол. Но к тому времени, Август упал в обморок и пластом валялся на ворсистом ковре. Чайник разразился свистом. Самое время гонять чай!

Очнулся Август в карете скорой помощи. Он кулаком продрал сонные очи, разомкнул грузные веки и увидел напротив себя щетинистую морду.

–Живой?– спросил белый халат.

–Что со мной?

–Так помер ты! Братец... Вот везём твое тело в МОРГ.

В глазах тотчас же померкло, и по телу пробежал лёгкий холодок. Который раз Август теряет сознание и затылком бьётся обо что-то тяжёлое, например об изголовье больничной койки.

Как выяснилось позже, в квартире случился пожар, и Август чудом не угодил в самое пекло. Причиной возгорания стал чайник, свирепое пламя перекинулось на безобидную

ткань полотенца и разошлось по всей кухне. К счастью, доблестный отряд пожарных подоспел точно в срок и укротил зловещее пламя ледяной водой. И кроме кухни, квартира в целом не пострадала, однако семья Цепелиных понесла весомые убытки. Пожар ударил по карману, и внезапная гибель отца омрачила быт, некогда дружного семейства.

Убитая горем, семья Цепелиных, в силу недавней трагедии была вынуждена упаковать чемоданы и съехать на обочину мира сего – на даче к деду по материнской линии. Августу пришлось по нраву обитать в двухэтажном особняке, пить на заре парное молоко и ходить с дедом на охоту. Однако мать, нынче вдова Цепелина, не горела особым желанием, в одиночку вести хозяйство и прозябать лучшие годы на задворках цивилизации. Редкие вылазки на свет за продуктами, дразнили мать Августа и сладостно манили одинокую женщину в водоворот страстей человеческих. Последствия пожара, устранили в два счёта, однако Цепелины не рвались обратно в отчий дом, где недавно свёл счёты с жизнью отец семейства.

В кратчайшие сроки, мать влезла в долговую яму, продала за бесценок отцовскую квартиру, чем навлекла на себя гнев со стороны Августа и приобрела скудное жильё в побитой временем хрущёвке.

Ни сам Август, ни его мать, толком понятия не имели, с каких вдруг щей зрелый мужчина полез в петлю и оставил родных без единого гроша за душой, сделав их нищи-

ми. Врачи безумолку вторили, что виной тому якобы всемогущий кризис среднего возраста и клиническая боязнь отца состариться... Видите ли, пенсия его до смерти запугала. Но твёрдого в своих убеждениях Августа, жалкие врачеватели не убедили. Он прекрасно знал, что белые халаты нагло врут своим пациентам прямо в глаза. Их можно понять... Докторам, ведь нет дела, до покойников, у врачей живых выше крыши. Так на кой им спрашивается, тревожить себя понапрасну.

Герман Цепелин пережил на своём веку многих, ему не раз приходилось терпеть полный крах, как душевный, так и финансовый. Августу не верилось, что кризис среднего возраста свёл в могилу крепкого мужика в расцвете сил. На отца, полагал Август, повлияло множество событий, в том числе крайне сварливая жена. Днями напролёт она сверлила мужу мозги по всякому поводу, то он ей давно не дарил, то он, видите ли, семье мало внимания уделяет. Быть может именно по этой причине, Август плевал на мать с высокой колокольни. Не то чтобы он виним в смерти отца именно мать, он и сам далеко не образец послушного сына. Да... Бывало они с отцом вступали в перебранку, но жили дружно и не капали на мозги по сущим пустякам.

Герман Цепелин был образцовым семьянином и налево не ходил, и на жён чужих не засматривался. Вот будь у отца любовница, рассуждал Август, то он бы наверняка нашёл повод не кончать жизнь самоубийством. Но отец и близко не

допускал возможности, сходить разок другой налево, подцепить приятную женщину и обзавестись романом на стороне. Во-первых, финансы не позволяли, во-вторых, он убеждённый однолюб. Раз полюбил, то на веки вечные, до гроба.

Однако сам Август не слишком верил в любовь до последнего вздыхания, как и в любовь с первого взгляда. Он полагал, что искра непорочной любви возгорается с течением времени и на первых порах есть лишь симпатия, в лице эмбриона. Следом симпатия плавно перетекает в нечто большее, обрастает доверием и на свет рождается неподдельная любовь. Однако бытовые ссоры, а они будут, уж поверьте мне, без особых усилий могут положить конец долгим отношениям. И ежели на свете, бытует исключение из правил, то значит в мире, есть и само правило, где разлука и любовь, подменяют друг друга на страстном поприще.

Глава 4

Держу на расстоянии

Ото сна Витасий отпрянул с утраца пораньше и полон сил, он надумал сделать квартирный обход. Страх впасть в глубокую спячку, отныне его не беспокоил, новые хозяева, привнесли в квартиру уют, а значит, жизнь вернулась в прежнее русло. Дрожь в коленях пошла на убыль, ступал Витасий спокойно, за стены не держался, шёл себе, да притопывал. Правда, фикус добрый друг, заметно пожух, но жизнь в цветке теплится и есть надежда полагать, что Витасик спасёт рас-

тения от возможной гибели. Он втихомолку, пока новые хозяева дают лихого храпака, увлажнил хрупкие листья и окатил сухую почву желанной водой. Воды оказалось слишком много и помимо горшка, Витасик залил водой подоконник. И одно другому не мешает, правда, хозяева ругаться будут, да и не поймут они, наверное, откуда на подоконник вода.

Витасик крайне гостеприимен, и как любое другое разумное существо, нуждается в общении с людьми. Не вечно же ему с цветами дружбу водить! И он не привык дерзать опрометчиво и прыгать с места в карьер. Витасик не стал с ходу нападать на хозяев и шокировать их своим присутствием. Подобного радо затея не сулит ничего хорошего и Витасик это понимал.

Витасий дружелюбен во многих отношениях, но он не привык дерзать опрометчиво. Он, будучи осторожным, не стал нападать на хозяев, прыгая с места в карьер, подобная идея не сулит ничего хорошего и Витасий это понимал. Он, как правило, заходит издалека, старается держать людей на расстоянии вытянутой руки, мало ли чего им в голову взбрѣдет. И уже тем более, Витасий научен горьким опытом, и он не намерен повторять ошибки прошлых лет. Ему сполна хватило сердечного приступа, он и по сей день корит себя за ту оплошность. Старая история, пустила седую бороду и билью поросла, но Витасик не забыл тот злополучный вечер. И он не стал тянуть резину понапрасну и решил помочь хозяину с чемоданами. И каково было хозяину, застать на поро-

ге дома малыша... Косматое, пучеглазое нечто! Он широко разинул пасть, аж челюсть хрустнула, вытаращил зенки и си- ний чемодан с гротом шлёпнулся наземь. Двумя руками, он что есть мочи, схватился за шальное сердечко, ахнул, охнул, всем телом подался назад и выпал на лестничную клетку. С тех самых пор, пугливый хозяин, в квартире, не появлялся, а Витасик взял в личное пользование одно мудрое правило – сперва думай о возможных последствиях, и лишь затем пугай хозяев.

Хозяева обождут. Сперва, Витасик должен навеститься в квартиру профессора Круглова и застать там женщину. Плевать какую, главное, что она должна плодоносить, иначе быть не может. Настала пора, детей заводить, а он до сих пор вид- ный холостяк. С детьми Витасик ладил на ура, он часами на- пролёт мог стоять напротив кровати, любоваться бледноли- ким младенцем и напевать мотивы детских песен. Тут уж ни- чего не попишешь, природа у Витасика такая, детей любить.

Обход дело нужно, но редкое. Не каждый день Витасик шастает по квартирам и делает в голове беглые заметки. С ума сойти можно! 80 квартир на четыре подъезда. Дело в том, что дни пока Витасик пробыл в коматозном состоя- нии, могли преподнести уйму сюрпризов, вплоть до женить- бы или внепланового переезда. Однако жизнь в хрущёвке, стояла на одном месте, ни шелохнувшись, и считала дни, ко- гда Витасика вернётся в строй. Ровным счётом ничего не из- изменилось, по меньшей мере, Круглов, как был холост, так им

и оставался. Женщиной в квартире профессора и близко не пахло, вот машинным маслом, это запросто, а изящными духами, нет.

Спорить не стану, изменения были, правда, незначительных масштабов. Взять, например, третий подъезд, там уличная шпана, белой краской оставила на стене надпись: «Валера гад, верни наши деньги!». Похожих граждан, Витасий нарекал первобытными дикарями. Только полному дикарю, взбрѣдет на ум, заняться наскальной живописью. Руки им оторвать мало, гневился Витасий, найду гадов, три шкуры с них спущу, буду знать, как личное имущество портить своими пакостями.

И что это, в конце концов, значило, верни деньги, Витасику ранее не приходилось иметь дел с ростовщиками и коллекторами. И к тому же сам виноват, раз пошёл на поводу у патологического лжеца.

сам виноват, что пошёл на поводу у лжеца. Нельзя быть наивным добряком, иначе сожрут гады и губами причмокнут. Человек обязать платить по долгам, в противном случае, полагаться на него впредь, ни одна душа не станет. Раз дал слово, то исполняй, будь человеком чести. Лжецов, их видно невооружѣнным глазом, на воре и шапка горит. Ну, а ежели тебя терзают сомнения, то сперва, наведи мосты и убедись в порядочности, того или иного человека. Держи уши остро, да чтоб глаз не дремал. Времена нынче такие, чуть вздремнёшь, пиши, пропало, обдерут до последней нитки.

Совсем отчаялся Витасий в новом поколении, кругом обман, да ложь, куда ни ступи.

Квартирный обход задался на славу, кроме наскальной живописи, в доме ничего серьёзного не стряслось. Лишь сигаретные окурки, томно холмились на подоконнике, а в остальном, всё, как прежде. Сегодня ночью Витасий уснёт с чистой совестью, беременных нынче в доме нет, а квартиры в целости и сохранности. Немногим, но Витасик напоминает пчеловода, от зари до зари снуёт по пасеке, пристально следит за сотами и оберегает улья от возможной угрозы.

Вопрос с сигаретными окурками, и поныне оставался на повестке дня. Витасик малость полелеял мыслёй и кабанчиком метнулся в соседнюю квартиру. Он позаимствовал у хозяев совочек, ершистую метёлку и консервную банку, содержимое пришлось в унитаз, а иначе не надо в подъездах бардак разводить. Витасий сгрёб в одну кучу белёсый пепел, поставил на подоконник опустошённую банку и вывалил мусор в самодельную пепельницу. Он остался доволен проделанной работой, но сам факт горы пепла на подоконниках, не давал ему покоя. До какой степени надо быть безответственным человеком, чтобы стряхнуть пепел на чистый подоконник. Да что там подоконник, помнится мне, Витасий оставил в подъезде кактус, и что Вы думаете? Не прошло и года, как жители дома, одним словом свиньи, употребили цветок в личных целях. Кактус должен был задать тон всему подъезду, а в итоге что..? Не горшок, а сплошная пепельница. Неко-

гда плодородный чернозём, стал непригоден для дальнейшего пользования, а сигареты, пепел и фантики, нашли новое пристанище, в виде цветочного горшка. Кактус пребывал на грани жизни и смерти, не сегодня, так завтра, выпадут последние иголки и от прелестного создания, останется лишь пепел под ногами, да сигаретные бычки. Дело пахнет жареным, не убери он горшок на родное место, то люди бы наверняка погубили растение. Впредь Витасий, оберегал цветы от непутёвых граждан. Не делай добра, не получишь и зла. Кактус тому наглядный пример.

Нутром чую, что пепел стряхнулни кто иной, как господин Штрубель, приземистый и довольно-таки высокомерный гражданин, в двух словах ворчливая карга. Всё-то ему не нравится, то полы слишком грязные, то потолки слишком высокие, подчас казалось, что ему не угодишь. На моей памяти господин Штрубель улыбнулся лишь однажды, и случилось это вот как...

От отца господин Штрубель перенял лишь две вещи – проплешину на затылке и антикварную лавку в центре города. В тот день Штрубель, как обычно возвращался с работы поздним вечером. В принципе у него был свободный график, но спуску себе он не давал, раз ты владелец, то будь добр, не отлынивай от обязанностей. Кстати, на днях господин Штрубель обзавёлся машиной, ибо негоже ему владель-

цу антикварной лавки в ЦЕНТРЕ города, щеголять на своих двоих и быть вечным пешеходом. Штрубель тщательно оберегал новую машину от внезапных повреждений, однако в тот вечер, горе-водитель гнал стального коня на всех парах, в надежде опередить ненавистного им соседа и успеть занять место на парковке. Но не тут-то было, сосед оставил своего злопыхателя с носом! Он припарковал ржавую громадину, занял паразит два места, и господину Штрубелю ничего более не оставалось, кроме как, отнять у пешеходов часть тротуара, тем самым нарушить, ряд дорожных правил.

Сосед не стал подниматься домой, он желал вдоволь насытиться победой и позлорадствовать над господином Штрубелем. С банкой пива руках, он вытянул ноги на скамейке и отпускал в адрес проигравшего колкие шуточки. Господин Штрубель, с понурым видом, прошёл мимо злостного соседа и не обратил на того и толики внимания. Слишком жирно будет, тратить на такого мерзавца личное время, гневился господин Штрубель. Эх, зря он остановился на красный свет, надо было гнать вовсю прыть, но не дать этому мерзавцу парковочное место.

–Разойдись! Щас-с, как пну!– кричала детвора на футбольном поле. Долговязый парень исполнял штрафной и взял для разгона слишком большое расстояние. Понимаете ли, господин Штрубель, будучи ребёнком, часто пропадал на футбольном поле, однако стать футболистом ему так и не удалось, травма, коленной чашечки, помешала воплотить

детские фантазии в реальность.

Парень встал в стойку, наметил цель, разогнулся и со всей дури пнул круглый мяч в сторону парковочных мест. Долговязый парень, то ли силу не рассчитал, то ли от рождения косил на оба глаза, но мяч настиг иную цель – лобовое стекло того самого соседа. Удар был до того мощным и хлестким, что на стекле осталась зиять приличных масштабов трещина.

Господин Штрубель разразился диким хохотом, а злостный сосед пришёл в бешенство. Он бросил взгляд на крыльцо, но от того и след простыл. Господин Штрубель хохотал, все четыре этажа, вплоть до входной двери.

Витасий не вступал в контакт с господином Штрубелем, он объяснял это тем, что тот ну уж слишком неприятен в общении. Врождённая неприязнь, коренилась в Штрубеле с малых лет и давала Витасику понять, что с этим парнем дел лучше не иметь. В то время как ровесники лепили куличи в песочниках и гоняли по крышам голубей, господин Штрубель предпочитал друзьям себя любимого. Детвора обзывала его жадным скупердяем, однако, сам Штрубель не соглашался с прозвищем великий и неповторимый жмот, он нарекал себя – в меру экономным человеком. Невзлюбил его Витасик, всеми фибрами своей широченной душонки, со дня переезда, он поглядывал на господина Штрубеля косо и квартиру старался обходить стороной.

Появился господин Штрубель в доме с незапамятных времён, годков десять назад, но с соседями поладить, так и не сумел. Женщины ему не хватает, полагал Витасий, за те десять лет, что Штрубель обитал в крохотной норе, он не припомнит дня, когда в квартиру ступала изящная ножка властной женщины.

Если на чистоту, то Витасик мало с кем вступал в контакт, а в круг общения входили только избранные люди, чьи нервы достаточно крепки, а на месте сердца, вживлён механизм швейцарских часов.

Распорядок дня у Витасика был до жути однообразен, изо дня в день, он исполнял монотонную работу, бродил по квартирам, устранял разладицу и бросал все силы на борьбу с грызунами. На сегодняшний день, именно мыши, главный враг человека, стоит дать слабину, как полчище хвостатых вредителей, увидят свет комнатных огней и начнут вершить полное бесчинство. Витасик не был хорошего мнения о мышах, на протяжении полутора лет, он держит натиск и не даёт вредителям прибрать к лапкам громадный дом, обустроить здесь гнездо, куда будут стекаться все мыши города.

Есть вероятность, что грызуны, обосновались именно в подвале дома, иначе трудно объяснить, откуда коварные мыши черпают силы на дальнейшие вылазки. Однако боязнь темноты, вкуче с глубинным страхом застать в сумрачной ночи длиннорукое нечто, ни на шаг не подпускала Витасика

к мрачному подвалу. Потому он боролся с угрозой извне, хотя корень всех бед, утекал глубоко под землю, где впотьмах притаилось оно. Нагрянет день и Витасик обязательно наберётся мужества и отваги, но до тех пор он вынужден держать осаду и не позволять мышам запускать лапы в чужую квартиру.

Но помимо мышей у Витасика были иные хлопоты, за примером далеко ходить не надо, у него под боком сидит наглядный образец немощности – одинокая старушка, Любовь Никитишна Московская, человек старой закалки, но доброй души. Знает ли Любовь Никитишна, Витасика в лицо? Не думаю. Она женщина незрячая, инвалид, стакан воды налить не в состоянии, куда ей до Витасика. Ой...! Внучок мой любимый пришёл, сколько лет, сколько зим, прошло с нашей встречи, твердила старушка. Но сам Витасик понятия не имел, есть ли у Любовь Никитишны внук, однако со своей ролью он справлялся весьма недурственно. Раздобыть буханку ржаного? Да не вопрос, у соседей чуток позаимствует, у хозяев не убудет, а старушке приятно. Массировать ступни он не любил, однако Любовь Никитишна настояла на своём: «Ты внук мне, или кто?». Витасий покорно согласился и приступил массировать грубые ноги, чего не сделаешь, ради незнакомой бабушки. Не отказывать же ей в услуге.

В недалёком прошлом Любовь Никитишна, усердно несла бремя директрисы в местной школе. Отдав любимой работе лучшие годы своей жизни, Любовь Никитишна Москов-

ская, от звонка до звонка, держала в страхе всю школу. А она между прочим, в молодости стремилась стать балериной, театральным работником и быть на шаг ближе к искусству, но увы... Не сложилось. Автокатастрофа на трассе, поставила крест на карьере будущей балерины. Легковой автомобиль, на полной скорости, вылетел прямо в кювет, трижды перевернулся, краем кузова сшиб упреждающий знак на обочине и как итог, перелом коленной чашечки. Кость буквально раздробило на части, однако год реабилитации и она снова на ногах, правда, театральная жизнь, у Любовь Никитишны, не задалась.

Из дому Любовь Никитишна, ни ногой, днями напролёт, она сидела напротив ящика и краем уха слушала телевизионные передачи, впрочем, как и сегодня. В квартиру Витасик ступил осторожно, в прошлый раз, он невольно напугал старушку до полусмерти и впредь старался не шуметь понапрасну. Пугать людей в почтенном возрасте всегда чревато последствиями, иначе один неверный шаг и здравствуй больничная палата, мандарины и шунтирование сердца. Хоть Витасию и становилось не по себе от одной мысли повторить массаж ступней, усердно вминать затверделую корку на пятках, ласково перебирать в ладонях мозолистые пальцы, вдыхать ноздрями прелый запах невымытых ног, однако он не желал Любовь Никитишне увидеть больничную койку.

В квартире усиленно пахло старостью, и ни одна роза не в силах перебить гнетущий запах пережитка прошлого.

Благоухание растений, тут не при делах, в квартире явная нехватка новизны. Советские обои, линолеум эпохи Палеозоя, пузатый телевизор, ковёр на стене, ну и главный атрибут минувших лет, чехословацкая стенка, вот же чудо воплоти, страны и в помине нет, а стена стоит и не жалуется, не то что, чехи со словаками в 93-м.

Стенку Витасик обходит стороной, но неспроста, Любовь Никитишна не подпускает, иначе следы останутся. Годом ранее Витасик отважился ощупать руками своего ровесника, но тотчас пожалел о содеянном. Старуха подняла ор на всю квартиру и дала ясно понять, что с ней шутки плохи: «Ежели кто, стенку мою тронет! Тому руки я оторву и волкам скормлю. Мало не покажется». Она хоть и слепа на оба глаза, но слух у Любовь Никитишны будь здоров, чихнёшь ненароком, за версту учует.

Витасик дал чехословацкой стенке шутовское прозвище – домашний музей. Смотреть можно, трогать нельзя. А сколько посуды хранилось в недрах той стены, уму разуму непостижимо. Но всё же пила Любовь Никитишна, исключительно из кружек, к хрустальной посуде, она не прикасалась, словом антикварная лавка.

–Николя, это ты?– хрипатым голосом разразилась Любовь Никитишна.

Почему именно Николя, задавался вопросом Витасик, быть может, у неё и впрямь есть внук со схожим именем.

–Да, бабуль, здравствуй.– ответил Витасик.

Как она меня учуяла, негодовал Витасик, не женщина, а слуховой аппарат.

—Разлюбил ты бабушку родную? Да!/? Вон оно как получается...

—Да брось ты бабуль. Люблю я тебя.

—Был у меня в школе ученик один, проказник сущей воды. Помнится мне, стряслась беда, кто-то из учеников, насобирав в лесу змей, притащил их в школу и на перемене устроил переполох масштабов вселенной. Но всё обошлось, к счастью... Змеи яд не выделяли, и на учеников не бросались, вполне себе безобидные существа, но жуть до чего мерзкие. И что ты думаешь, эти змеи, разбрелись по школе и столько шуму наделали, пришлось уроки отменять. Мальчуганы-то ладно, им всё нипочём, а девки, юбки задрали и давай по школе носиться, орать, что, мол, змеи ядовитые. Захожу, я значит, обратно в класс, а там змея ползёт мне навстречу, а ученики, поголовно все на партах. А ну-ка по местам, кричу я на этих бестолочей, а они ни в какую. Ни одна душа не шелохнулась, смотрели на мои ноги, как замороженные. Змея, дружно крикнули ученики. Да, я вижу, что не собака. Поднимая я змею, и ухожу прочь из класса. С тех самых пор, меня величали, укротительницей змей.

—А проказник попался?

—Как миленький... Наутро, трудовик притащил негодяя за уши. Я ему говорю, мол, ты ужей подбросил? А он мне, честно слово, не моих рук дело проказа. А я ему в ответ, бу-

дешь лгать, рот намылю. Только попробуйте, я на Вас жалобу накатаю. Права сопля зелёная, качать начал. У самого молоко на губах не обсохло, а он, видите ли, о правах заговорил. Я ему сразу сказала, а кто тебе давал право, змей в школе выпускать. А он zenки в пол, стыдно стало. Так ты или нет? Спросила я. Нет, ответил он мне.

—И что дальше?

—А дальше, я взяла кусок мыла и на пару с трудовиком, вымыла негодюю рот, отхлестала ремнём и родителей в школу пригласила. Ходил потом, как шёлковый, на всех субботниках появлялся, ни одного мероприятия школьного не пропустил. Можно сказать, я из будущего бандюгана, человека воспитала. Пускай и кнутом, а не пряником.

—Суровая ты, конечно, женщина.

—С детьми только так, иначе неженками вырастут. Я и тебя порола, и отца твоего, и деда, никому спуску не давала.

—И меня тоже?

—А как же. Тебя хлебом не корми, дай набедокурить. С нежных лет, я приучала тебя к ответственности. Домой поздно вернулся, будь добр, в угол, или ремнём по филейной части. Я держала Вас в ежовых рукавицах. Помню, я тебя из шланга ледяной водой окатила. Ты яблоки у соседки повадился воровать. Она пожаловалась на тебя, мол, ты воровством занялся. И что мне оставалось делать, надо было тебя хорошенько проучить. Сперва яблоки, а потом что? В квартиру чужую влезешь? Нет... Бандитов, мне в доме не хвата-

ло. Обиделся, ты на меня, правда. Неделями не разговаривал. Но ничего, зато какого гражданина я воспитала, умного, честного, порядочного во всех смыслах. Тебе бы невесту в довесок найти и правнуков мне родить.

Знакомство Витасика с Любовью Никитишной, случилось при весьма интересных обстоятельствах.

Знакомство

В то утро Витасик понял, что он всем сердцем жаждет наводнить полости рта молоком, смочить пересохшее горло, вдоволь насытить урчащий желудок влагой и набить порожнее пузо до самого отказа. Он только и делал, что с самого утра сновал по квартирам и находился в поисках гранёного стакан, чайной кружки, тарелки, либо блюда, первое, что попадётся на руку и плевать чего именно, хоть вазу, но главное полную до краёв молока. В холодильники Витасик заглянуть не решался, он воровством не промышляет, и наживаться на хозяев дома, не в его правилах. Безусловно, подчас Витасик, нет, да закрывал глаза на многое и отворял настежь дверцы холодильников, да брал еду первой необходимости, колбасу там, творог, или котлет, но исключительно для благих намерений. Кота накормить там, собаку или программисту со второго этажа подбросить, в противном случае, не за горами тот день, когда горе-компьютерщик загнётся от химикатов и прочей дряни.

С животными дела обстоят на порядок хуже, не все жиль-

цы считают должным накормить домашнего питомца, и зачастую топают на работу, позабыв, о самом главном – о живом существе. И Витасик, по доброте душевной, не давал котам и собакам помереть с голоду.

Больше всего на свете Витасик обожал молоко, покупное, или коровье, не столь важно, главное, что на вкус и цвет, оно просто обязано отвечать установленным стандартам – белый, как снежная метелица ранним утром и слаще сахара. Дай ему волю, то он запросто, в один присест опустошит до дна пять галлонов отборного во всех смыслах молочка.

Сперва Витасик, ненароком набрёл в обиталище художника Яна Микуленко, хотя в глубине души, он понимал, что молока у него отродясь не водилось. Он вдоль и поперёк обшарил напрочь лишённую порядка кухню, заглянул в полупустые чашки и пришёл в отчаянье. Недопитый чай и мёрзлая до основания сталь невымытых ложек, вогнала Витасика в уныние. Всю сущность кухни Яна Микуленко можно растолковать в одной фразе – Жалкое зрелище. Немытая посуда, это куда меньше половины всех бед. Кажется, что Ян насовсем позабыл о чистоте. Оно и понятно, человек, как-никак, от зари до зари пашет в три погибели на благо искусства, даёт надежду, что не всё в этом мире потеряно. Тут, как ни крути, но на чистоту и порядок времени не напасёшься.

Витасик отчаянно махнул на художника рукой и ушёл восвояси, искать молоко. Белое, сочное и слаще сахара, он усердно перебирал в голове аппетитные слова и дразнил же-

лудок мыслями о еде. От безысходности, Витасик посетил ненавистную им квартиру господина Штрубеля, но кажется тот, кроме хмельного пива, ничего более не употребляет. Странный он человек, конура Штрубеля пугала Витасика и теперь понятно, отчего вдруг он и поныне остаётся закоренелым холостяком. Думаю, что ни одна женщина, не станет водиться с неряхой, тем более ступать в логово последнего холостяка.

И тогда Витасик по воле случая, набрёл на квартиру Любовь Никитишны. К старухе в те дни, он относился терпимо, живёт, да и ладно. Витасик осторожно шагнул на кухню, старуха может и незрячая, однако меры предосторожности никто не отменял. Тише воды, ниже травы, он вскарабкался на стул и заметил, что ножка стола, малость ходит ходунком, словно намеревается сбежать куда подальше. По этой причине, Витасик молча, выдернул кусок свежей газеты «Городские новости», сложил лист бумаги вчетверо, слегка приподнял стол и протиснул под ножку самодельную подкладку. Стол чист, как поцелуй младенца, ни кружек, ни тарелок, сплошная скатерть и первозданная белизна. Солонка, да перечница, в форме пышных мухоморов, салфетница, разделочная доска, скопом кучковались на закромке скатерти возле стены и пребывали в полном одиночестве.

Кружки, чашки и стаканы аккуратно разложены в шкафу, тарелки сохнут подле умывальника, столовые приборы спрятаны в укромном месте, подальше от домушников. Молока

у Любовь Никитишны, надо полагать, не водилось. Витасик преисполненный отчаяньем, надумал развернуться спиной и отчалить в соседнюю квартиру, как на подоконнике он обнаружил весьма занимательную находку – стакан.

Ну, была не была, Витасик соскочил со стола на подоконник и... О чудо!!! Молоко!!! Девственной чистоты напиток, всё это время мерз на подоконнике у окна. Усилия Витасия не были напрасны, он в два счёта опустошил стакан до дна и тщательно облизал молочные губы.

Он посчитал нужным помыть стакан, тем самым облегчить ношу полуслепой старухе, оно, как-никак угостила его молоком. Но подлый ковёр, надо думать, с самого утра, ждал момент, когда, наивная душа, запнётся на ровном месте и разmozжит упругую губу в кровь. Витасик носом пропахал грубый ворс и оставил позади себя глубокую рытвину. К счастью, падение обошлось без трагедий, нос цел, губа в порядке, крови не было, разве что осколки мирно распластались на ковре. В общих чертах, смею заявить, что полгоря не горя, могло быть и хуже. Например, осколки битого стекла, некогда цельной чашки, в два счёта могли пронзить крохотную ладонь Витасик и обагрить руки кровью.

–Николя!!!– голосила вовсю Любовь Никитишна.– Это ты!?

–Да.– с дуру ляпнул Витасик.

Он и по сей день не до конца понимал, на кой чёрт его дёрнуло, отвечать Любовь Никитишне взаимностью.

Он и сам до конца не понимает, что за муха его тогда покусала

на кой его дёрнуло, отвечать Любовь Никитишне взаимностью. Молчал бы себе в тряпочку, да помалкивал и о массажах ступней, вспоминал, как о страшном сне. Всё случилось в мгновение ока, Витасик оглянуться не успел, как рот в самоволку сложил воедино две простые буквы – ДА. Но нет бы, ему дать лихого драпу, да смыться с глаз долой, он в довесок ко всему надумал проведать старушку.

–Пойди ко мне непутёвый ты остолоп!– кричать во весь рот Любовь Никитишна.

–Уже иду.– подчинился Витасик и ушёл в гостиную.

И речи быть не может, что дерзал он подсознательно и полный отчёт своим поступкам не давал. Витасик невольно шагнул ей навстречу и протянул одинокой бабушке руку помощи. Он хотел помочь Любовь Никитишне скрасить ей томное одиночество. И надо стать, что внимание он старухе оказал в знал благодарности за чрезмерное великодушие. Любовь Никитишна, пожилая женщина, не поскупилась на стакан молока, хотя имела полное право оставить без внимания малыша Витасика. Она угостила гостя молоком не из корыстных побуждений, и Витасик обязан был отблагодарить Любовь Никитишну, не дав ей помереть со скуки.

Открывать завесу тайн Витасик ни в коем случае не собирался. Он навещал старушку на протяжении года и не пере-

станет навещать Любовь Никитишну Московскую до самой ей кончины... Пока люди в халатах не вынесут тело одинокой старушки вперёд ногами. И не подай он тогда руку помощи, то в одночасье бы перечеркнул все дальнейшие заботы. Но вежливость и понятие чести, держали Витасика в узде. По этой причине массаж ступней стал неотъемлемой частью его однообразных будней.

Любого человека, определяют, совершённые им деяния. И ежели судить человека, не по словам, а по его делам, то ставится предельно ясно, с каких это щей родня Любовь Никитишны покинула отчий дом и на протяжении многих лет боялась сунуть нос в квартиру той чокнутой старушенции. Все они, то бишь родня жила по принципу – не попадайся на глаза сумасбродной старухи. Живее будешь!

Чрезмерная сварливость и суровый нрав, доведут до белого каления кого угодно и родня Любовь Никитишны тому в пример. Нет... Они не бросали старушку на произвол судьбе, они просто на просто сбежали. Все до одного, кроме мужа Любовь Никитишны.

Геворга Палыча, в могилу свела не старость, а родная жёнушка. С утра до ночи она капала бедняжке на мозги и как итог, сердечный приступ. Отмучился старый хитрец! И если при жизни, Любовь Никитишна крыла родного мужа крепким матом, то после кончины Геворга Палыча, она запела куда иначе. Одинокая вдова не упускала случая помянуть любимого добрым словом и отблагодарить Палыча за хоро-

шо проведённые годы в крепком замужестве.

Глава 5

Неудачное знакомство

Покончив, с массажем ступней, Витасик трижды вымыл руки с мылом, докрасна обтёр влажные ладони грубым полотенцем и вернулся обратно в квартиру. Отчий дом, находился в частичном запустении, лишь осенний ветер сновал из комнаты в комнату и разносил лёгкий сквозняк. Хозяева, вероятно на работе, либо осматривают местные достопримечательности. Витасик понятия не имел, какие именно, но он верил, что достопримечательности в городе имеются.

Витасик взобрался на подоконник, облокотился спиной о мёрзлую стену и принялся изучать скудное убранство знакомого двора. Он подолгу мог вот так, сидеть у окна и любоваться пейзажами серых хрущёвок, серых людей и серой дороги. Настала осень и город утратил зелёные тона, вся подноготная всплыла на поверхность, улицы помрачнели, люди приуныли, а золотая пора сошла на нет, и грянула холодная зима, время серых красок и беспросветной тоски.

Люди всецело осунулись, надёжно спрятали красные носы в вязаных шарфах, заточили горячее тело в массивные пуховики, боялись поднять глаза на свинцовое небо и прийти в полное отчаянье. Зимой жители города, впадают в глубокую спячку, словом косолапые медведи, телом они всё же бодры, но вод душа, напрочь скована ледяными оковами.

В отличие от зимы, жаркое лето привносит на улицы города зелёную палитру цветов, делает мир ярче и смывает тёплыми дождями всю скуку с улиц густонаселённого города. Некогда мрачные люди, скидывают с плеч покров минорного настроения и толпами наводняют улицы, дворы, рестораны, прячут, куда подальше ненавистные пуховики, вязаные свитера и многопудовые ботинки, отныне не препятствуют лёгкой и непринуждённой ходьбе. На смену зимней одежде, приходят летние сарафаны, рубашки и туфли. Лёгкость бытия присутствует во всём, не то, что зимой.

Витасик, как и прежде созерцал окрестности двора и вгонял себя в уныние. Однако Август нагрязнул, словно гром средь бела дня.

С журналом в руках, Август, неспешно вошёл в комнату и поначалу не обратил внимания на крошечное нечто у окна, впрочем, как и Витасик. Оба с головой, нырнули в размышления, Витасик рассуждало о людской натуре, а очкарик Август усердно штудировал еженедельный выпуск журнала «Композитные миры». От Августа усиленно несло горячей ванной и хозяйственным мылом, капельки тёплой воды вперемешку с пеной юрко сбегались по впалым щекам, кучерявые волосы торчали лохмотьями. Он буквально валился с ног, но лечь на боковую не торопился, поспать он всегда успеет, а вот начитаться всласть, подобный случай выпадает редко. То матери подсобить надо, то в магазин сбегать

жизненно необходимо, с позволения сказать, дел непаханое поле.

Но стоило ему приземлиться кровать, скрипнуть пружинами и оторвать взгляд от «Композитных миров», как мир перед глазами заиграл иными глазками. Их взгляды слились воедино, и в комнате наступила гнетущая тишина. Глянцевый журнал с шестерёнками на обложке, тотчас выскользнул из цепких лап и с грохотом шлёпнулся на пол. Оторопь взяла своё, что один, что другой, потеряли дар речи, языки проглотили, да как Вам будет угодно. Ноги оцепенели, стали ватными, дрожь прояснилась в коленях.

Август осторожно потянулся к ногам, снял левый тапок, правом глазом наметил цель и в мгновение ока запустил в Витасика обувью. Малыш с предельной лёгкостью бравировал атаку, ему и не такого рода нападки отражать приходилось. Витасик соскочил на пол и попытался было угомонить юношу, но увы... Август не поддавался уговорам.

С босой ногой, он точно пробка от шампанского, выскочил на кухню и судорожно взялся открывать дверцы шкафчиков. Посуда гремела, тарелки с треском валялись на пол, Август обеими руками схватил рукоять чугунной сковороды и помчался обратно в комнату. В это время, Витасик усиленно приводил себя в порядок, прилизал волосы, затянул потуже ширинку, в общих чертах сделался первым красавцем на деревне. Тут уж ничего не попишешь – новый хозяин, новые правила.

Однако Август видимо, не оценил старания Витасика и к внешности отнёсся халатно, ему куда важнее знать, кто он и какова его миссия на земле. Он боевито ринулся в атаку и обрушился на бедолагу нещадными ударами. Однако Витасик тотчас взлетел на подоконник и кроме линолеума, ни одна душа не пострадала. Август, в страхе получить ответный удар, продолжил махать из стороны в сторону чугунной сковородой, и следующий удар, пришёлся точно мимо цели, под горячую руку на сей раз попал подоконник. Глубокая вмятина осталась зиять на полу, и тогда Витасик взобрался на шкаф, тут он его, однозначно не достанет.

Август подскочил к книжной полке, набрал охапку книг и стал швыряться в гада источником знаний.

–Уважаемый, давайте отложим на время все ссоры, и перестанем причинять друг другу боль.– говорил Витасик.

Но Август напрочь оглох и не намеревался вступать в контакт с иноземным существом. Книжки летели одна за другой, он швырялся ими вовсю прыть, вкладывал в бросок не дюжую силу. Русская классика изящно мотыляла по комнате, Пушкин, Лермонтов и Толстой, корифеи отечественной литературы их рукописи нещадно бились о стены, вот взмыла над кроватью зарубежная проза, в лице Джека Лондона и вскоре Август нащупал словарь Ожегова.

Многопудовая книга, словно метательное ядро, взмыла над комнатой, обогнула люстру, со свистом пронеслась мимо ушей Витасика, и слегка пробив гипсокартон, она уве-

ренно вошла в стену. Витасик оглядел словарь с ног до головы, прикинул в уме масштабы увесистой книги и на секунду представил, что под удар могла попасть косматая голова.

—Ну ты и зверь... парень... С тобой, очевидно, шутки плохи. Нет, если у тебя каждый разговор начинается похожим образом, то ты скажи, я всё пойму. Просто... Возьми ты чуток правее и соскребал бы я сейчас кровавые ошметки со стены.

—Ты кто такой будешь!? А!? С какой планеты!?— Август неспешно дал задний ход, он стиснул в кулаках стальную линейку и надеялся дать незнакомцу отпор, если же он, косматое нечто, удумает вступить с ним в схватку.

—Ты чего? Умом тронулся, что ли!? Витасик я, живу здесь, пёс знает, сколько лет...— Витасик осторожно лишь бы не спугнуть гостя, решительно подступал к юноше.

—Перестань врать! Это мой дом и я здесь живу!— недоумевал Август.

Дрожь в коленях значительно укрупнилась, руки лихорадочно дрожали, холод спину подирал, пот стекал ручьём и в целом он ощущал себя ужасно, казалось, что с минуты на минуту, грянет нечто ужасное.

—Спорить не стану, юридический хозяин здесь ты, но фактический я.— Витасик старался грамотно истолковать юноше, кто он такой.

—Ну, раз так, то вали куда подальше фактический хозяин! По бумагам главный здесь Я..! Ой... Что-то мне совсем пло-

хо.— Август дрожал, как осиновый лист, он боялся незнакомца пуще огня и очевидно, не желал иметь с Витасиком общих дел.

Он усиленно лязгал зубами, рукавом утирал холодный пот со лба и мысленно вымерял, шансы на успех в схватке с Витасиком... Увы, но шансы на успех, более чем, ничтожны. Один рывок, думал Август, лишь один рывок отделяет меня от входной двери. Да кто он такой, всего лишь маленькое создание, вероятно наделённое, космической силой. Один рывок, думал Август, лишь один рывок отделяет меня от входной двери. Необходимо собраться с силами и помчаться без единой оглядки, точно спринтер на короткой дистанции, надо лишь выждать момент и податься в бега.

И если я рвану вовсю прыть – в своих силах Август ни на грамм не сомневался, школьные забеги давались на ура, он раз за разом пересекал финишную черту первым – то ни одна стена меня не остановит. Я буду бежать до тех пор, пока силы меня не покинут, и я не свалюсь на сырую брусчатку, в холодном парке, окружённый деревьями и толпой зевак.. Именно таким образом Август представлял себе побег, но страх связал его по рукам и ногам. Он не в силах был пошевелиться, куда уж там до побега. Словно вкопанный, Август сжался в углу, голова кружилась нещадно, зуб на зуб не попадал, его бросало, то в жар, то в холод, сердцебиение заметно участилось, адреналин зашкаливал.

– Не горячись, парень, умерь пыл. Давай начнём всё с

чистого листа, как и полагается. Меня, кстати, Витасиком звать, а тебя?— он находился в шаге от потенциальной жертвы сердечного приступа.

—А-а-а... меня Август...— последняя пара слов далась ему крайне тяжело. Язык окоченел и слова в буквы складываться перестали. Ужас!

Комната пустилась в пляс, пошла кругом, и вскоре он потерял сознание.

Очухался Витасик лишь к вечеру. С горем пополам мать перенесла родное чадо с пола на кровать, накрыла одеяльцем, и тщательно взбила подушку. Хоть они и цапались, как кошка с собакой, но семья своих, в беде не бросает. Мать ужаснулась, заведев в комнате сплошной беспорядок. И она, как и любая адекватная домохозяйка, одобряла стремление сына постигать науки, но терпеть не могла хаос в квартире. Бардак в доме, бардак в голове! Нет... Так никуда не годится. Она разложила книги по полочкам и навела в комнате чистоту.

Голова гудела, немногим меньше паровоза на железных путях, лёгким движением руки Август скинул с себя одеяло. Он сел на кровать и обеими руками схватился за голову, гнетущая боль давила на виски, Август изо всех сил постарался вспомнить ход недавних событий. Мало-помалу, но память вернулась к нему со всеми подробностями, и он вско-

чил на ноги. Поначалу Август принял встречу с Витасиком за страшный сон и наотрез отказывался верить своим глазам. Он ходил кругами по комнате, точно муха петляет вокруг люстры. Август нервно грыз длинные ногти и беспокойно думал о недавнем госте. Что за вздор, рассуждал Витасик, быть такого не может, хотя я недавно вычитал одну заметку в журнале, что Американские учёные пробили брешь в измерении и быть может... Нет... Нет, это бред, сущей воды бред. Он сослался на страшный сон, но внезапно вспомнил про словарь Ожегова.

Август взобрался на табуретку, встал на носочки и запусти лапу в слепую зоны, где первозданная пыль оседает веками, а мохнатые пауки всюду плетут паутины, ловят сетями добычу... мух, комаров и прочих насекомых. Он нащупал, что искал. Словарь Ожегова проложил в стене мрачную щель, не удивительно, ведь книга весит килограммов пять, а то и больше.

–Быть такого не может...– вполголоса шептался Август.

Словарь Ожегова весьма легко поддался усилиям Августа, стоило ему потянуть книгу на себя, как белая штукатурка посыпалась на пол. Советские обои свисали лохмотьями, такую пробоину без мастера не заделаешь, придётся вешать картину, в противном случае, мать подымет ор на весь дом. Август осмотрел пыльную книгу с ног до головы, удивительно, но громоздкий словарь ничуть не пострадал.

–До чего же сильна книга в умелых руках.– шептался Ав-

густ.

Внезапно из соседней комнаты, отчётливо послышался грохот посуды. Август крепче стиснул в руках книгу и двинулся вдоль стены. Он ступал осторожно, вымерял, чуть ли не каждый шаг, на предмет внезапных подлянок. Август, вплотную подступил к кухне, накал страстей достиг предела, одно неловкое движение и ручаться за себя и свои поступки он перестанет. Словарь Ожегова, вполне походил на предмет орудия и я бы не стал завидовать тому, кто ощутит на себе весь неопиcуемый гнев яростного очкарика.

На кухне горел свет... Неужели, это маленькое создание научилось включать свет в комнате. Неудивительно, на самом-то деле. Если верить его словам, то в квартире он обитает со времён оных. Август шагнул на кухню, замахнулся, но к счастью, он вовремя одумался и едва ли не прибил родную мать.

Она усердно рылась в шкафчике, видимо искала чугунную сковороду, но всё тщетно.

Август швырнул словарь Ожегова на стол и опрокинул пустую чашку.

–Чтоб тебя.– гневилась мама.– Предупреждать надо, так и до сердечного приступа не далеко.

–Кажется, я схожу с ума.– Август сел за стол.

–А я тебе давно говорила, что ты весь в отца у того тоже на старость лет крыша поехала.– не умолкала мать.– Кстати, ты не видел сковороду. Битый час ищу, а её нигде нет.

–Нет, не видел.– ответил Август и смежил веки.

Если мне память не изменяет, то сковородку я оставил на подоконнике, возле цветочного горшка, или она вовсе под кровать нырнула. Думаю, не стоит пока говорить матери о судьбоносной встрече с иноземным незнакомцем, она женщина впечатлительная, подумает ненароком, что родной сын выжил из ума. Но я-то прекрасно знаю, что наша встреча с существом не случайна, он, вероятно, жаждет установить со мной контакт, но во имя чего? Добра или зла!?

Глава 6

Разговор по душам

Неделя у Витасика выдалась больно горячей, спонтанное знакомство с очередными хозяевами, не входило в его планы, но дело сделано, а поезд отчалил за горизонт событий. Тут уж ничего не попишешь. И будет глупо с его стороны, объяснять напуганному очкарику, откуда он такой взялся и что Витасик не преследует цели, поработить всё человечество. По этой причине, он дал юному ботанику время обдумать произошедшее и прийти к выводу, что Витасик, как индивид не опасен.

А что касается самого Августа, то парень явно тронулся умом, иначе не выразишься. Он расставил по всему дому коварные ловушки, спальня так вовсе вдоль и поперёк увешена чертежами, схемами и карандашными набросками. Чего ни скажи, но карандашами Август орудовал довольно сносно, недаром он на протяжении долгих лет, по настоянию ны-

не покойного отца, посещал художественную школу. А ворсистый ковёр сплошь испещрён ручками, карандашами, линейками, куда ни ступи, велик шанс вогнуть в пятку, либо циркуль, либо огромную занозу. В процессе работы, внешне Август ничуть пострадал, за исключением школьной успеваемости. Понимаете ли, наука требует жертв, и если ты стоишь на пороге открытия, то учёба в школе дело второстепенное. К тому же Август, далеко оторвался от школьной программы, пока дети изучали на уроках – «Квадратный трёхчлен и его корни», он всю изучал высшую математику.

И не мудрено, что в скором времени посыпались звонки. Учителя буквально досаждали мать Августа извечными упрёками: «Вы, наверное, знаете, что Август, лучший из учеников, и главный кандидат на золотую медаль! Но его нынешняя успеваемость, ставит под сомнение, репутацию всей школы. Мальчик перестал учиться! Школа его теперь ничуть не заботит, а на уроках он клюёт носом о парту. Скажу Вам больше, он стал прогуливать уроки. Его посещаемость значительно упала, в сравнении с прошлым годом. Так продолжаться не может! Образуйте его!».

Разумеется, в ход пошли ссоры, мать часто отчитывала Августа, на почве отвратительной успеваемости. «Так не годится! Ты меня слышишь! На носу экзамены, а ты занимаешься, ни пойми чем! Твои оценки позорят род Цепелиных!». Но сам Август плевать хотел на упрёки родной матери, она полный ноль в научных исследованиях, её уровень,

это приблизительно седьмой класс средней школы. С ней бесполезно вести дискуссию на тему – законы термодинамики, или квантовой физики. Всё на что горазда моя мама, думал Август, так это чтение низменных романов о порочной любви и каждодневные походы к Нинке на маникюр. Проще дуб убедить, что земля плоская, нежели родную мать в том, что она не права.

В конце концов, мать потеряла из виду грани дозволенного, и взяла моду шариться в вещах родного сына. И всякий раз, открывая рюкзак, она слезливо боялась обнаружить там шприцы, наркотики и прочую отраву. Материнское сердце пошатнулось, доверие к сыну исчерпалось, она полна сомнений, что её любимое чадо, надежда на благое будущее, имеет общие дела с плохими ребятами. Но как бы мать не старалась найти в рюкзаке наркотики, Август оставался совершенно трезвым. Очевидно, что корень всех бед далеко не в наркотиках, и это вовсе не алкогольная зависимость, и не карточные долги. Это двигатель прогресса, под названием наука, пленил очкарик возможным успехом, на поприще великого учёного.

–Август, что с тобой!? Ты сам на себя не похож.

–Не мешай мне мама! Иди, займись своими делами, свари бульон, уберись, погладь мне рубашки на завтра. Я занят поисками...

–Поисками чего.

–Его... Он где-то рядом, я знаю. Случилась брешь в из-

мерении... А хотя кому я рассказываю.— Август выпроводил мать на кухню, заперся в комнате и приступил к исследованиям.

—Переходный возраст, штука серьёзная, но я думаю, что он тронулся умом.— жаловалась мать в телефонную трубку.

—Не переживай... Всё образумится, вот увидишь, он парень толковый.— ответил приятный голос на том конце провода.

Она совсем отчаялась в родном сыне, недавно повод для гордости, завидный жених, нынче же вовсе отбился от рук. Мать, как и любая нормальная женщина, боялась потерять любимого сына и на досуге ходко лелеяла мыслёй... А не сводить ли Августа на приём к психологу! Быть может он, даст путный совет, как ей вернуть ребёнка в прежнее русло. Однако мать, будучи разумной женщиной, особо не торопилась исчерпать кредит доверия. Авторитет матери в этом доме чуть выше плинтуса и держится в довесок ко всему на честном слове. Она пользовалась особым уважением и если она всё же надумает обратиться к посторонней помощи, то любимый сынок за милую душу закатит истерики масштабов вселенной.

Август обозначил на горизонте чёткую цель — во что бы то ни стало, каких бы усилий мне это не стоило, но поймать косматое нечто, ради науки и всего человечества. Но перво-наперво необходимо выяснить, что им движет и каким цели он преследует на Земле? Август терялся в догадках,

быть может, он вовсе не инопланетное существо, а заговор американских учёных, результат генных модификаций, одна из многих попыток правительства явить миру сверхчеловека... Нет, это полнейший бред. Казалось, что ключ к разгадке намного ближе, чем кажется на первый взгляд, одна лишь деталь, крохотная нить, косвенная зацепка и всё встанет на свои места.

Август не поскупился во благо общего процветания и купил на рынке дюжину мышеловок. Он напичкал их кушаньем, в надежде сцапать Витасика с поличным. Однако ловушки, результат, как такового не дали. Надо стать Витасик существо далеко не глупое и в очередной раз подтверждает своё превосходство над животным миром. Но кем же он тогда является!? Ломал голову Август.

Бросать дело на полпути, не в его правилах, он намерен отыскать истину и дойти до победного конца. Нееет... Август будет искать до тех пор, пока не найдёт ключ к разгадке. На данный момент, всё складывается в пользу Витасика, но это до поры до времени. Не сегодня, так завтра, Август копнёт глубже и подымет завесу тайн. Он Август Цепелин, докажет теорию внеземных цивилизаций, или же раскроет правительственный заговор и обретёт мировое признание.

Но прошла неделя, а он так и не приблизился к разгадке тайны ни на шаг. Перспектива остаться с носом перестала казаться полнейшим бредом, чем вероятность наладить контакт с Витасиком.

Очередной день подошёл к концу, а там и до недели рукой подать. Ночами напролёт Август, объятый трепетом, усердно занимался наукой, строил теории и великие догадки, что говорить стоял на пороге открытия. И очередная неделя вскоре канула в лето, но грандиозные теории так и не были подкреплены фактами, а извечные догадки и поныне оставались вымыслом зачуханного ботаника. Никакой конкретики толком не последовало, а это значит, что пришёл конец всем научным исследованиям. Август полон надежд, дать ответ на два вопроса – кто он? А главное, откуда прибыл? И второй вопрос, беспокоил очкарика не на шутку больше первого. И если вдруг станет известно, что Витасий инородное тело, то Август будет первым в своём роде учёным, который установил контакт, с прямым потомком внеземной цивилизации. Или же станет ясным, что Витасик представляет собой – новую ветвь развития человеческой расы. Либо куда хуже – американская сверхразработка, вражеский шпион, чья цель, выведать расположение объектов стратегического назначения. В любом случае, он взойдёт на пьедестал почёт и обретёт славу всенародного любимца.

Всё это время, Витасик косо поглядывал на юношу, у Августа явно не всё в порядке с головой. И на носу тот день, когда люди в халатах, выведут очкарика во двор и затолкают в белый грузовик.

Витасик напрочь потерял сон! Комната обставлена

нескончаемой бумагой и чертежами, хлам выпирал со всех щелей. В такой обстановке спать невозможно, как ни крути! Глаза красные, словно помидоры в разгар жаркого лета, и недосып докучал Витасика буквально на каждом шагу. Комната захвачена недоумком! И теперь он во что бы то ни стало, обязан вернуть парня в прежнее русло реки. И не хватало ему под боком тронутых умом хозяев. А отношения с матерью, Витасика так вовсе удручали! Она старается из последних сил, места себе не находит, а он делает всё во зло... Только хуже. Предстоял серьёзный разговор, на тем: «Как правильно почитать родителей и не дерзить родной матери...». И, стало быть, на днях состоится второй по счёту контакт с хозяином квартиры. Витасик надеялся на лучший исход.

Битый час Август сосредоточенно копошился с кипой газетных выжимок за прошлый год, обводил карандашом интересные заметки и оставлял на страницах перекидного блокнота небольшие зарисовки. Август стал одержим наукой, хотя изначально полагал, что он всего на всего увлётся изучением внеземной цивилизации. И плевать он хотел, что мать наводит тень на плетень, она простая домохозяйка, каких на свете пруд пруди. А он, это пряма противоположность обществу глянцевого журналов! Молодой учёный, свежая кровь, самый сок!

–Вероятно, случилась брешь в измерении, а может и во времени... Получается, что в моей комнате он нашёл себе новое пристанище.– судорожно шептался Август.– Необхо-

димом установить повторный контакт и...

—И вот мой тебе совет землянин, перестань тратить время на полную ерунду и займись же ты, наконец, делом.— некто позади, стало быть косматое нечто, суровым тоном упрекнул Августа в разгильдяйстве.— Я гляжу, ты совсем от рук отбился.

Август тотчас же оцепенел, карандаш в руках более не двинулся с места, перекидной блокнот смиренно застыл в воздухе. Он потерял дар речи, вернее будет сказать, глубинный ужас отнял у него возможность говорить, сухие губы обратились в соляной столб. Ни словом Август не обмолвился, ни звука он устами не обронил, молчал себе в тряпочку и ощущал, как по лбу ручьём стекает леденящий душу пот. Август звучно проглотил слюну, угловатый кадык дёрнулся в испуге и он судорожно вздохнул, слегка пискнув.

Перекидной блокнот вскоре юркнул по влажной ладони и с грохотом шлёпнулся на пол. Незаконченный чертёж, видимо так и останется на веки вечные интересной задумкой, однако карандаш Август бросать не торопился. Он крепко стиснул деревянный кол в правой руке, затаил дыхание и краем уха внимал шорох позади себя. Август мысленно прикинул, где у Витасика наиболее уязвимое место — быть может живот... Нет, вряд ли, скорее всего голова. Думаю если косматое нечто внезапно набросится на меня с кулаками, то один молниеносный удар, в височную долю, разрешит между нами все разногласия.

–Молчишь, значит! Ну, ладно, будь, по-твоему, а я молчать, не намерен!

Суровый голос незнакомца, вогнал Август в лютую дрожь, мёртвой хваткой очкарик вцепился в карандаш и ХРЯСЬ! Вскоре чёрный грифель треснул на две равные части. Остатки некогда цельного карандаша распластались на ковре, среди толщи бумаг и всякой всячины.

Скрипя суставами, Август лениво взглянул на врага и смерил туземца пытливым глазом.

–Ты кто такой!?!– вопрошал Август.

–Я Витасик. А ты!?

–Август... Август Цепелин меня звать.

–Значит так Август Цепелин, у меня к тебе всего два вопроса. Первый – Ты чего гад ко мне прицепился? Ибо я тебе вреда не причинил и соли на хвост не насыпал. Оставь же ты меня, наконец, в покое! Иначе пеняй на себя. В один миг взглядом испепелю, и прах по ветру пушу? Тебе ясно?

–Яснее некуда...– сумрачно вымолвил Август.– А второй вопрос?

–Твоя мать, великая женщина и на кой спрашивается, ты с ней так грубо поступаешь.

–Тебе-то какое дело?!– недоумевал Август. Кто-то, а внеземная раса, не имеет права вторгаться в личную жизнь землян, если это, конечно, не запрещено конвенцией ООН.

–Большое. Горестно мне видеть, как твоя мать ревет белугой, пока ты, днями напролёт протираешь задницу в ком-

нате и впустую переводишь бумагу. На моей планете, бумага, это ценнейший ресурс и у меня слёзы наворачиваются от того, насколько ты небрежно пользуешься дарами природы.

–Прошу меня простить, но бумагу я отнюдь не перевожу. У меня тут научное исследование, так что, это вынужденная мера.

–Я тебя прошу... Какое исследование? И сними ты, наконец, со шкафа мой портрет. Буду честен, мне лестно видеть себя любимого, не только в отражении, но и на бумаге. Однако твои труды... меня смущают. Парень, ты помешен на мне.

–Портрет, я уберу, даю слово, но о матери моей больше ни слова. Отнесись к моей просьбе с уважением.

–Почему, я должен относиться к тебе с уважением, если ты пренебрегаешь родной матерью.

–Я никем не пренебрегаю. Просто у нас сложные взаимоотношения. Кстати, откуда ты родом.

–Я прибыл из Плутона. Галактика Млечный путь. Думаю, ты знаешь о чём я говорю...

–Ха! Неужто... А я ведь всегда знал, что Плутон был, есть и будет планетой до скончания веков. Шарлатаны, дилетанты, каких свет не видел, пытались обмануть меня и всё человечество, но не тут-то было. Накось, выкуси!

–Потише... Потихе, парень. Мне лишняя шумиха ни к чему. Просто будь добр, оставь меня в покое, иначе испепелю тебя пламенным взглядом. Ты ведь не хочешь сгореть до-

тла, стать на худой конец горсткой жалкого пепла. Нет, ты только скажи и я тут как тут. Мне не трудно, надо лишь разок моргнуть, и дело сделано.

–Нет... Спасибо, но я бы предпочёл остаться целым и невредимым. Всё же на мне мать и будет жалко, если она наложит на себя руки.– отступил Август.

–То-то же. Признаю, ты парень смыслённый, с царём в голове. И очевидно, ты добьёшься высот в этой жизни, станешь известным учёным, откроешь четвёртый закон термодинамики.

–Постой! А разве на свете имеется четвёртый закон термодинамики!?

–Друг мой! На планете, откуда я родом, есть все десять законов термодинамики. Поверь мне на слово. И вот, когда ты станешь великим учёным, то первое, что ты должен будешь сделать, это отблагодарить родную мать. Она воспитала тебя, вырастила, вскормила и имеет полное право на беспечную старость.– он говорил, до боли пространно, не иначе как, точил лясы, в надежде впечатлить юношу.

–Но ведь это я, открою четвёртый закон термодинамики. Моя мать палец об палец не ударит, она будет лежать, и щелкать пультом у телевизора.

–Пойми, дело не в законах термодинамики, а в отношениях с близким тебе человеком. Мать, это последний и одновременно первый человек в твоей жизни. Не будь эгоистом, парень. Вот на моей планете...

—А мы не на твоей планете, мы на матушке Земле и здесь другие правила.— Август неожиданно для себя оборвал мысль Витасика.

—И всё же, ты даёшь слово, ценить родную мать?

—Так уж и быть... даю.— они обменялись рукопожатиями.

—И теперь, когда все неполадки между нами устранены, то не сочти за труд, привести комнату в порядок.

Глава 7

Любовь Никитишна Московская

—Геворг, возьми чемоданы, а я пока в магазин сбегая.— кричала Любовь Никитишна с балкона.

—Первый день в новой квартире, а она уже всех соседей своим криком распугала. Тьфу!— гневился Геворг Палыч.

В один затяг, он спешно выкурил сигарету «Беломорканал», обошёл чёрную машину и отворил багажник. Геворг Палычу, на самом-то деле, не впервой гнуть спину в поте лица, или таскать на собственном горбу тяжеленную поклажу. Он человек весьма мускулистый, мышцы так и выпирают наружу, а белая рубашка вовсе норовит пойти по швам вдоль рук, либо стрельнуть пуговицей на волосатой груди. Силёнок Геворг Палыч, поднабрался в аэропорту и далеко не за штурвалом стальной птицы. Шесть лет он бедолага, как раб на галёрах, ломал хребет за семерых, будучи обыкновенным грузчиком.

На днях, они всей семьёй, покинули аварийное жильё, со-

брали в чемоданы, нажитые честным трудом пожитки, и заселились в хрущёвку. С самого утра Витасик ждал очередных хозяев квартиры и прикидывал в уме, какими они будут. Он часто делал ставки на хозяев, кто из соседей раньше всех лампочку в подъезде скрутит, кто место на парковке займёт, а кто так вовсе, трезвым с работы приползёт и жене на глаза не попадётся. Нынче же Витасик ставил на то, что хозяевами будет молодая семья с грудным ребёнком на руках. Квартира не маленькая, трёхкомнатная, как-никак, подобное жильё, обычно, покупают с расчётом на возможное пополнение в семье. А поскольку семья молодая, с годовалым младенцем на руках, то, стало быть, второй ребёнок на подходе.

Правда, на сей раз Витасик значительно прогадал, семья далеко не молодая, лучшие годы позади, как говорится, а к тому же и дети, давным-давно выпорхнули из гнезда. Странно, во всяком случае, обычно старики скупают дешёвое жильё, ибо знают, что со дня на день они испустят последний вздох и... на этом всё. А эти старики, раскошелились знатно, видно, что люди живут на полную катушку.

Геворг Палыч, втащил в квартиру чемоданы, скинул их прямо у порога и взялся расхаживать по новой квартире, из комнаты в комнату. Не дурно, очень даже не дурно, жить можно, Геворг Палыч давал оценку новым апартаментам, и знаете, он остался, весьма доволен. Правда, понять не мог, что ему делать с третьей комнатой, детей у них нет, а спят они под одним одеялом, вот уже как сорок лет. Долго думать

не пришлось, Геворг Палыч на утро следующего дня придумал, что ему делать с третьей комнатой. Он оборудует в нём личный кабинет и станет мастерить. У Геворга Палыча есть страсть, он обожает чинить поломанные вещи и продлевать жизнь тому, что давно изжило себя, как ходовой товар. За пару дней он обставил комнату в лучших традициях мастера, украсил советские обои инструментами и вскоре приступил к долгожданной работе. На пенсии, занять себя нечем, ругался Геворг Палыч, одно время он пристрастился ходить на рыбалку, но суставы не вечные, а значит и рыбный промысел остался в прошлом.

Со всего подъезда жители дома, стали таскать в кабинет Геворга Палыча поломанные вещи, в надежде вернуть к жизни любимые часы, игрушку или телевизор. Денег Геворг Палыч за работу не брал, как он любил говорить, это отдушина для пенсионера, а не способ содрать за плёвое дело баснословные деньжища. Но и жильцы в долгу перед Геворгом Палычем не оставались, он им значит, за бесплатно вещи ремонтируют, а они на его доброте душевной наживаться будут. Неет... Так никуда не годится, если уж старик деньгами не берёт, то мы его едой завалим. Что и произошло, жильцы буквально осыпали умелого старика всякой всячиной, кто колбасы купит, кто молока деревенского притащит, а кто так вовсе коньяк подарит. Геворг Палыч чтит и уважал коньяк, как и подобает истинному ценителю алкогольной продукции. Он растягивал одну бутылку на недели, ес-

ли не на месяцы. Кто-кто, а сам У. Черчилль говорил, что коньяк подобен женщине. Не пытайтесь взять его штурмом. Понежьте, согрейте напиток в своих руках прежде, чем приложить к нему губы. Ведь главное в коньяке, это умение смаковать, а не раздавить целый пузырь в одну харю.

Любовь Никитишна, сперва дулась на Геворга Палыча, ибо тот гад, отобрал у неё целую комнату, однако чуть позже она остыла, потеряла интерес и оставила кабинет мужа в полном покое. Между прочим, тонны лакомства в холодильнике, берутся неспроста, именно мастерская кормит их семью и не даёт помереть с голоду. Заглядывать она в мастерскую боялась, вдруг чего пропадёт, а виноватой сделают её. И порядок она там не наводила, ибо Геворг не подпускал, дай бабе волю, она дом вверх дном перевернёт, и фиг чего найдёшь. У меня там всё, как говорил Геворг Палыч гостям, по феншую. Что из себя, представляет, слово феншуй, он честно слово, понятия не имел и мог лишь гадать.

Был у Геворга Палыча в загашнике случай один, весьма интересный. Помнится мне, однажды утром, притащил ему сосед в мастерскую часы с кукушкой, мол, глянь дружище, быть может, придумаешь, как починить аппарат, а то попереёк горла стоит, житья мне не даёт. Он носом воротить не стал, когда ему доведётся на часы с кукушкой поглядеть, нынче это во всех смыслах раритетная вещь, стоит немалых денег. Два дня Геворг Палыч бился головой о стену, и понять не мог, с какой стати, кукушка горлопанит не в срок,

а с опозданием на целый час. Думал и гадал Геворг Палыч, вдоль и поперёк изучил аппарат, в итоге он пришёл к выводу, что полетела у кукушки шестерёнки. И на третий день, ближе к вечеру покинул мастерскую. Руки в машинном масле, щетина недельной давности портит вид, но в зеркало он не смотрелся, да и на кой ему молодым казаться. Он вызвал такси, денег не пожалел, и помчал на всех парах за новыми часами.

На закате дня, он оставил свою берлогу, руки в машинном масле, щетина недельной давности, но в зеркало не гляделся, да и на кой молодым казаться. Он вызвал такси, денег не пожалели, и помчал на всех парах за новыми часами. Притопал Геворг Палыч, значит в магазин часов, обошёл стороной прилавков, за витриной которого молодой парень жевал сопли, и втихомолку от чуждых глаз стащил настенные часы. Ничего страшного... У них не убудет, а я человеку приятно сделаю. Всю обратную дорогу Геворг Палыч тешил отговорами совесть, но часы он починил.

С тех пор он жил, припеваючи! До тех пор, пока Любовь Никитишна на старость лет зрение не потеряла. На первых порах всё шло, как по маслу. Старики, не иначе, как пенсионеры, жили в собственное удовольствие и бед не знали. Ссорились, правда часто и по пустякам. Любовь Никитишна всегда находила повод придрататься к мужу. Сразу видно, что школьные годы не прошли даром. Но пришла беда, откуда её не ждали... Зрение у ненаглядной пошло на убыль.

Сперва Любовь Никитишна не замечала за собой явных отклонений, шастала себе по магазинам, отдыхала в санатории, жила и забот не знала. Но долго сладкая жизнь не продлилась, ибо зрение ухудшалось с каждым днём. И если вчера она вполне могла сварганить жирный борщ, то нынче она с горем пополам разобьёт два яйца и кое-как пожарит яичницу. Любовь Никитишна не торопилась говорить мужу о проблемах со здоровьем... А вдруг он её разлюбит и оставит одну одинёшеньку, доживать остатки своих дней в трёхкомнатной квартире. Правда, долго она прятать свой недуг от мужа не могла... Рано или поздно, ей бы пришлось сорвать покровы тайн... Любовь Никитишна тянула до последнего, и вскоре открыв глаза, на месте мужа, она увидела размытое пятно. В тот же день Геворг Палыч отвёз Любовь Никитишну к знакомому окулисту.

—Ну что, готовьтесь к худшему.— заявил врач.

—Да не тяни ты Михалыч, говори, как есть.— беспокоился Геворг Палыч.

—Прошу меня простить, но медицина здесь бессильна, зрение к Вам уже не вернётся.

—Быть такого не может!— кричала Любовь Никитишна.— Нам с утра до ночи по телевизору говорят, что наша медицина шагнула далеко вперёд! Ну и где же тогда Ваши разработки! А! Сволочи! Да я на Вас в суд подам за бездействие.

—Пошли Любовь, нам здесь видимо не помогут.— Геворг Палыч взял жену за руку и вывел из больницы.

—Ну как же так.— ревела Любовь Никитишна.— Неужели я останусь слепой.

—Да не горюй, любовь моя.— утешал Геворг Палыч.— В мире столько врачей, хоть один, да поможет тебе зрение вернуть.

Кого они только не тревожили с просьбой вернуть Любовь Никитишне зрение, но всё без толку. Врачи, все как один, с пеной у рта уверяли, что медицина, в данном случае бессильна. Не изобрёл пока человек лекарство от старости. Тогда они, в отчаянье, обратились за помощью к Восточной медицине, на протяжении месяца Геворг Палыч водил жену на иглоукалывание, но и приезжие эмигранты, не в силах были одолеть столь тяжёлый недуг.

—Старость у Вас, а она не лечится.— твердил плюгавый азиат.

—Ну как же так, я вот этими вот глазами, видела развал Советского Союза и Вы берётесь утверждать, что медицина бессильна!

—Да, берусь. И любой в здравом уме, возьмётся.

—Да, тьфу на Вас. Шарлатаны!— заявила Любовь Никитишна.— Геворг пошли отсюда, нас опять надули.

—Пошли дорогая...— Взяв любимую за руки, Геворг Саныч покинул кабинет врача и собирался оставить попытки исцелить недуг седовласой жены.

Но Любовь Никитишна пошла дальше, она в отличие от мужа не намерена бросать начатое дело на полпути. Мирить-

ся с бессилием нашей медицины, да никогда, раз шарлатаны в белых халатах отказались браться за дело, то она, пожалуй, сделает ставку на нетрадиционную медицину.

Геворг Палыч, потянул на себя дверцу автомобиля и трепетно усадил жену на заднее сиденье. Он достал пачку «Беломорканал», чиркнул спичкой о коробок, вялая струйка квелога дыма потянулась к небу, и Палыч приложил горькую сигарету к губам. Интересно, как долго она протянет, задался вопросом Геворг Палыч. Он задрал кверху полы серого пальто и примостился на капот чёрного автомобиля. Хотя эту бестия и пулей не сразишь, все соки из меня выпьет, или же я сам раньше времени не окочурюсь в подворотне. Такие особи живут долго и отнюдь не счастливо. Старуха моя, получается, позиции сдаёт повсеместно, в былые годы, попробуй откажи ей в просьбе, как говорит молодёжь рискни здоровьем и от тебя живого места не останется.

–Геворг! Я долго тебя ждать буду.– надсадно вопила Любовь Никитишна.– Ты там часом не помер!?

–Что б тебя! Да иду я! Иду!– в пару длинных затяжек Геворг Палыч покончил со зловредной сигаретой и сел в машину.

Он повернул ключ зажигания, и мотор под капотом тотчас же взревел. Геворг Палыч, плавно надавил на педаль, тронулся с места и едва ли не покорёжил бампер синего внедорожника. Возьми он самую малость правее, то простая вмятина на капоте, меньшая из возможных бед. Однако Геворг

Палыч водитель со стажем, не первый год крутит баранку автомобиля, и предотвратить аварию, он пока что в состоянии. Но случись авария, то думаю, хозяин синего внедорожника будет вне себя от горя и в одночасье повесит на Геворга Палыча порчу личного имущества. А у того связи в прокуратуре имеются и если надо будет срочно, то и свидетель найдётся. Стало быть, над Геворгом Палычем нависла очередная угроза. Но он сумел обойтись простым испугам и быстро смыться со двора.

Чёрный автомобиль лихо мчал по безлюдному проспекту и стальным кузовом, в ключья разрезал порывы осеннего ветра.

—Отвези меня к Нинке.— требовательно заявила Любовь Никитишна.— Кто-кто, а она меня на ноги поставит.

—Да на кой тебе, эта Нинка сдалась.— негодовал Геворг Палыч.— Она отварами лечит, а тебе другой специалист нужен.

—Да чхать я хотела на твоих специалистов. Шарлатаны они все, пустословы, толку от них, как от козла молока. Видят же прекрасно, что человек пожилой, а значит, и смысла нет переводить на него кучу лекарств. Вот они и говорят, что медицина бессильна.

—Ох... Любовь... Любовь...— отчаянно вздохнул Геворг Палыч.

Геворг Палыч сиживал на колченогом табурете, подальше от бабского трепета, он держал в руках серое пальто и думал, а не вздремнуть ли ему часок другой. Дрёма на него накати-

ла внезапно, он только вошёл в комнату к Нинке, как прелый воздух и лёгкий запах жжёной бумаги, наваял лютую тоску и желание покемарить. Глаза слипались, слегка подташнивало, но Геворг Палыч держался молодцом и глаз не смыкал. В гостях спать не принято, и лёгкое похрапывание сейчас, будет не к месту. Стул под Геворгом ходил ходуном, точно желал податься в бега и сон от этого, становился более реальным. К Нинке Палыч относился с толикой скепсиса, она, быть может, и знает толк в целебных отварах, вот только он не особо верил в силу нетрадиционной медицины. Помнится мне, Геворг Палыч, однажды настойку на апельсиновой корке храпнул, и мил перед глазами потускнел, и живот вдруг скрючило. С тех пор Палыч к отварам ни ногой, уж лучше он химию попьёт, нежели от горькой травы сгинет.

Комната меркла впотьмах, старая люстра над белым потоком не справлялась в одиночку, видимо лампы перегорели все до одного. Геворг Палыч почивал в мрачном углу и с минуты на минуту намеревался смежить веки, да отдаться в объятья пряных сновидений. Внезапно, точно снег на голову, раздался хлёсткий щелчок, и мощный светильник в мгновение ока облил скудные стены белым светом. Геворг Палыч насупил брови, собрал лицо в морщины, словом мандарин и сквозь потоки яркого света разобрал очертания Любовь Никитишны и широкие плечи Нинки.

—Ох... Нинка... Тяжела твоя доля, помню в былые годы, мужики с тебя глаз не спускали. Эхх... Старость, не ра-

дось.— подметила Нинка.— Я ведь и сама, абы как суставами шевелю.

—Молодые годы давно позади, сейчас же мне надо, кровь из носа, но вернуть зрение. Иначе бросит меня Геворг одну, доживать свои деньки. Променяет меня на молодуху и оставит помирать в одной квартире.— вполголоса шепталась Любовь Никитишна.

—Да к кому он убежит, не смей меня. Вы сколько женаты? Лет сорок?

—Сорок лет живём душа в душу, почти не соримся, лишь изредка, да и то по пустякам. Но годы идут, а я, увы, не молодею, стало быть, он со дня на день найдёт себе новую жёнушку.

—Кого!?! Он тебе верен до гроба и повода для измены не давал. Такие мужчины нынче перевились, одни прохиндеи, да лоботрясы.

Геворг Палыч скорчил едва заметную улыбку, и на душе стало теплее, ему лестно слышать в свой адрес похвалу.

—К Таньке, например. Она молодая, сорок лет, ей жить, да жить. А мой Геворг жених видный, он только на таких баб и смотрит.

—Да брось ты...— отмахнулась Нинка.

—Ты лучше ответь, ко мне зрение вернётся, или же я до самой смерти буду слепой бабушкой?

—Ой не знаю... Но попробовать стоит. Я тебе дам рецепт, это отвар из черники, должен помочь. Однако ничего обе-

щать не стану.— закончила Нинка. Она слегка накренилась набок и потянула на себя выдвижной ящик. С минуту она копошилась рукой в недрах таинственного ящика, разгребала толщу бумаг и вскоре откопала там заветный листочек, якобы способный исцелить недуг Любовь Никитишны.

—Спасибо тебе и на этом.— рассыпалась в благодарностях Любовь Никитишна.— Геворг, вези меня домой.

—Ну что ж, желаю тебе здоровья.

—И тебе не хворать.— добавила на прощанье Любовь Никитишна и взяв за руки, любимого мужа, она поскорее отчалала домой.

До самой зари Геворг Палыч, словно мальчик на побегушках сновал по всему городу и собирал рецепт для лечебного отвара. «Чтобы к утру отвар стоял у меня на тумбочке, иначе пеняй на себя!», пригрозила пальцем Любовь Никитишна и завалилась на боковую. Геворг Палыч натянул на худые плечи серое пальто, потуже затянул шнурки и, свесив нос, побрёл на улицы города, искать целебные травы и всякую всячину. Он завёл машину, лениво тронулся с места и помчал напрямиком на рынок, в надежде, что бабушки торгуют сутками напролёт. И как бы он того не желал, но бабушек на рынке не наблюдалось. Сплошь пустыня, куда ни глянь. Чистые прилавки, главные ворота на замке, безлюдная парковка, словом он попал в американский фильм об ужасах апокалипсиса.

Но вот из-за угла вынырнул радостный пьяница, прожигатель жизни и на всю улицу затянул минорную песню. «Моло-

дось, где же ты моя молодость...» Геворг Палыч приуныл, действительно, где же они мои лучшие годы и самое главное, на что я потратил свою жизнь. Мне шестой десяток, а кроме боли в коленных суставах и слепой жёнушки, я ни шиша не имею. Сколько лет я отпахал, пёс знает, в каких условиях и никто мне доброго слова не сказал.

Геворг Палыч кулаком саданул по приборной панели и не стал слушать хрипатую песню пьяного забулдыги. Он открыл форточку и помчал стального коня по ночному городу.

В какие дебри он только не натыкался, в какую глушь он только не захаживал, но собрать рецепт целиком ему так и не удалось. Круглосуточные магазины работали исправно, но в большинстве своём они торговали выпивкой и ничем более. Черникой здесь и близко не пахло, куда уж там до сушёных ягод земляники и полыни.

–Слушайте, у Вас не найдётся черника?– неловко вопрошал Геворг Палыч. Оно и понятно с чего ему стало неудобно, час ночи на дворе, ни зги не видно, а он расхаживает по магазинам налево и направо, да ягоды черники ищет.

А у Вас часом ли жена не беременна, хотел было спросить щуплый продавец, ради интереса, но стоило ему поднять глаза на покупателя, как все вопросы разом улеглись на самое дно небытия. Он смолчал, почему именно – глубоко копать не надо, ответ он, на поверхности.

Продавец очертил взором незнакомца, наострил оба глаза на впалые щёки, смерил пытливым глазом серое пальто

и вскоре различил на контурах лица глубокие борозды. Старость проступила на лице, седые, точно отлитые серебром волосы трепетно ниспадали на изрытый морщинами лоб, пожухлые глаза взирали на мир томно, дряблые щёки обвисали... Геворг Палыч, постарел. Но дед из кожи вон не лез, чтобы показаться на пару лет моложе. Он полагал, что человек должен выглядеть под стать своему возрасту. И ежели ты холёный сопляк, то одевайся по последнему писку моды, ну а ежели ты мужчина в летах, то не сочти за грубость носить пальто и лакированные туфли.

Продавец тотчас же опустил взгляд на прилавок и сквозь смех процедил:

–Простите, но черники у нас нет.

–Понятно...– досадно вымолвил Геворг Палыч.

Он повернулся спиной к щуплому продавцу, показав тому седой затылок, потянул на себя железную дверь, ветряные колокольчики над потолком тотчас же наполнили магазин переливным звоном, и Геворг вдохнул полную грудь свежего воздуха. Он подошёл к фонарному столбу, вынул из кармана полупустую пачку «Беломорканал», чиркнул спичкой о коробок и закурил дешёвую по нынешним меркам сигарету. Сколько Палыч себя помнил, но курил он исключительно сигареты «Беломорканал», отшучивался время от времени, что, мол, тем самым он поддерживает отечественного производителя. По правде сказать, но Геворг Палыч плевать хотел на отечественного производителя, сперва пушай маши-

ну толковую изобретут, и лишь потому за сигареты берутся. Странность вещь обыденная... Одни любят томатный сок и хлестают мерзкую жижу литрами, другим предпочитают полноценному отдыху, копать грядки даче, ну а Геворг Палыч курил сигареты «Беломорканал». Покончив с куревом, он потушил тлеющий бычок о подошву и швырнул остатки горькой сигареты в чёрную лужу.

С превеликим трудом Геворг Палыч, скрипя суставами, заполз обратно в машину и обеими руками схватил обтянутый кожей руль. Он повернул ключ зажигания, отъехал от бордюра и помчал родной автомобиль по просторам ночного города. Геворг Палыч крутил баранку и оставлял позади монотонные хрущевки и бетонные муравейники. Он проносился мимо каменных джунглей без единой оглядки, только он и полупустынная дорога. Геворг нарочито бравировал светофоры, не один раз проносился на красный цвет, ибо знал, что ночью стражам порядка нет дела до мелких правонарушителей.

Говорят, что именно в сумрачной ночи на поверхности города всплывают тонны нечисти. Улицы полны испражнений, стены всюду обгажены, на панелях вырастают толпы куртизанок, пьяницы слоняются по городу, в поисках уютного жилища и молодёжь, цвет нации теряет рассудок и честь перед законами общества. Но Геворг Палыч знал, что и в полдень на улицах город полным полно разношёрстной нечисти, просто днём они набрасывают на себя покров умного человека и

скрывают свою истинную сущность под личиной ответственного гражданина.

На своём веку Геворг Палыч повидал всякого, но последнее, что он увидел воочию, так это ослепительное мерцание на горизонте, всюду обшарпанный бампер и яркое свечение громадных фар. Спустя четверть часа, на место трагедии примчала карета скорой помощи и на мёрзлый асфальт выкатили носилки. Вокруг, да около, насупив густые брови, сновали люди в форме, они ходили, тот тут, то там и неспешно изучали место преступления. Чуть позже они выяснят, в чём дело, но сейчас их погоны блистали под покровом лунной ночи, а мигалки на крышах игрались пёстрыми цветами. Кругом необозримые леса, тишь, да гладь, и лишь на трассе у обочины собралась куча людей.

Вот же напасть, думал Геворг Палыч, и врагу такой участи не пожелаешь. Был человек, жил себе, никого не трогал, и вот его не стало. Интересно, как Любовь моя сейчас поживает, не ревёт ли она в подушку, но ничего скоро свидимся, главное рецепт отвара целиком собрать и быть может, старушка моя, прозреет.

Геворг Палыч бегло осмотрел место трагедии, слегка притормозил, но полностью глушить мотом не стал, он прибавил ходу и погнал машину на линию горизонта, где небо и земля делят мир на две равные части. Яркое мерцание обливало холодный асфальт палящими лучами и манили автолюбителей узреть невиданные доселе просторы. Палыч неволь-

но надавил на педаль и вскоре растворился на горизонте событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.